

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

ISSN 2542-2472

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН 1 / 2019

WWW.RUS-LAW.ONLINE

**РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ПЕРИОДИЧЕСКОГО СЕТЕВОГО ИЗДАНИЯ
«РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН»**

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович	председатель редакционного совета, к.ю.н., доцент, ректор Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского и административного судопроизводства Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СИНЮКОВ Владимир Николаевич	д.ю.н., профессор, проректор по научной работе Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры теории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
АРТЁМОВ Николай Михайлович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры финансового права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ВАЛЕЕВ Дамир Хамитович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического, трудового права и гражданского процесса Казанского (Приволжского) федерального университета
ВАН ЭЛСУВЕГЕ Петер	PhD, профессор права Европейского Союза Института европейского права Гентского университета (Бельгия)
ВОСКОБИТОВА Лидия Алексеевна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой уголовно-процессуального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ДОВГАНЬ Елена Федоровна	д.ю.н., доцент, проректор по учебно-воспитательной работе и международным связям Международного университета «МИТСО»
ЗУБАРЕВ Сергей Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ИСАЕВ Игорь Андреевич	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой истории государства и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КОМАРОВА Валентина Викторовна	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КРАСНОВА Ирина Олеговна	д.ю.н., профессор, профессор кафедры экологического и природоресурсного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЛЮТОВ Никита Леонидович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой трудового права и права социального обеспечения Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
МАЦКЕВИЧ Игорь Михайлович	д.ю.н., профессор, заведующий кафедрой криминологии и уголовно-исполнительного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
РАРОГ Алексей Иванович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры уголовного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СЛЕСАРЕВ Владимир Львович	д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
СОКОЛОВА Наталья Александровна	д.ю.н., доцент, заведующий кафедрой международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ЧЕТВЕРИКОВ Артем Олегович	д.ю.н., доцент, профессор кафедры интеграционного и европейского права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
ТЕЙМУРОВ Эльвин Сахават оглы	главный редактор, к.ю.н., преподаватель кафедры международного права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
КНЯЗЯТОВА Римма Игоревна	ответственный секретарь, начальник отдела научно-издательской политики НИИ Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

СОДЕРЖАНИЕ

ПРАВОВАЯ МЫСЛЬ

Дзарасов М. Э. <i>О сроках обращения в суд за защитой трудовых прав</i>	5
Егоров А. А. <i>Теория правонарушения в трудах классиков немецкой философии (И. Кант, Г. В. Ф. Гегель)</i>	11
Коваленко К. Е. <i>Психология правовых девиаций правонарушений (к вопросу об опасном вождении)</i>	18
Кузнецова Е. И. <i>Разделение судьбы залога недвижимости и обеспеченного им обязательства: анализ действующего законодательства</i>	26
Пашнина Т. В. <i>Вопросы реализации права на информацию через институт библиотеки в свете стратегических документов информационной сферы</i>	32
Суспицына Т. П. <i>Эволюция уголовного законодательства об ответственности за возбуждение ненависти, унижение человеческого достоинства: о новой редакции закона</i>	39
Фомина Л. Ю. <i>Международные стандарты защиты права на уважение частной и семейной жизни</i>	47

ПРОБА ПЕРА

Скерко А. И. <i>Блокчейн как объект интеллектуальной собственности</i>	53
Шулятикова Е. В. <i>Возмещение ущерба или иное заглаживание причиненного преступлением вреда как условие освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа</i>	61
Подольнов П. А. <i>О типичных нарушениях, выявляемых в образовательных учреждениях при проведении прокурорской проверки</i>	69

CONTENTS

LEGAL THOUGHT

Dzarasov M. E. <i>Limitation Periods for the Protection of Labor Rights</i>	5
Egorov A. A. <i>The Theory of the Offense in the Works of Classics of German Philosophy (Immanuel Kant, Hegel)</i>	11
Kovalenko K. E. <i>Psychology of Legal Deviations of Offenses (regarding the Issue of Careless Driving)</i>	18
Kuznetsova E. I. <i>Sharing the Destiny of Real Estate Mortgage and the Obligation Secured by it: Current Legislation Analysis</i>	26
Pashnina T. V. <i>Issues of Implementation of the Right to Information through the Library in the Context of Strategic Documents of the Information Sphere</i>	32
Suspitsyna T. P. <i>The Evolution of the Criminal Legislation Regarding Responsibility for Incitement to Hatred, Humiliation of Human Dignity: A New Version of the Law</i>	39
Fomina L. Yu. <i>International Standards for the Protection of the Right to Respect for Private and Family Life</i>	47

FIRST ATTEMPT IN WRITING

Skерko A. I. <i>Blockchain as an Object of Intellectual Property</i>	53
Shulyatikova E. V. <i>Monetary Compensation for Damage or other Ways of Expiation for Damage Caused by the Crime as a Condition of Exemption from Criminal Liability in Connection with the Imposition of a Court Fine</i>	61
Podolnov P. A. <i>Typical Violations Revealed in Educational Institutions during Public Prosecutor's Office Investigation</i>	69

О СРОКАХ ОБРАЩЕНИЯ В СУД ЗА ЗАЩИТОЙ ТРУДОВЫХ ПРАВ

Дзарасов Марат Эльбрусович — кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
aslex@list.ru

Marat E. Dzarasov — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Labor Law and Social Security Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9
aslex@list.ru

© М.Э. Дзарасов, 2019

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые теоретические и практические проблемы, возникающие при применении ст. 392 ТК РФ. Автор отмечает дискуссионность высказываемых в юридической литературе точек зрения о правовой природе сроков на обращение работников в суд, о начале их течения. Так, сроки обращения в суд, приведенные в ст. 392 ТК РФ, являются сроками исковой давности. Течение срока обращения в суд по спорам о восстановлении на работе должно определяться так же, как и для других споров: с момента, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своего права. Относительно истечения сроков давности судебная практика определяет, что надлежит на основании ч. 3 ст. 11 ГПК РФ применять норму, регулиющую сходные отношения (аналогия закона). Далее говорится, что такой нормой может считаться ст. 199 ГК РФ.

Ключевые слова: работники, трудовой спор, защита трудовых прав, сроки обращения в суд, сроки исковой давности.

LIMITATION PERIODS FOR THE PROTECTION OF LABOR RIGHTS

Abstract. The paper deals with some theoretical and practical problems arising when Art. 392 of the Labor Code of the RF is applied. The author highlights the debatable points of view expressed in the legal literature that made it possible to draw some conclusions regarding the legal nature of the limitation periods when employees can go to court to have their right protected and the time when limitation periods commence. Thus, the terms for going to court stipulated in Art. 392 of the Labor Code represent the limitation period. The duration of the limitation period for disputes on reinstatement should be determined in the same way as for other disputes: from the moment when the employee found out or should have found out that his rights have been violated. With regard to the expiration of the limitation period, courts have determined that the rule governing similar relations (analogy of the law) should be applied under Part 3 of Article 11 of the Code of Civil Procedure. Further, the author argues that Art. 199 of the Civil Code can also be applied in the same way.

Keywords: employees, labor dispute, protection of labor rights, limitation period, Statute of Limitations.

Для реализации права на судебную защиту трудовых прав принципиальное значение имеют сроки, в течение которых работник вправе обратиться в суд. Проблема сроков обращения за защитой трудовых прав работников в трудовом праве всегда относилась к категории сложных и малоисследованных. Несмотря на то что данная проблема затронута в ст. 392 ТК РФ, а также, несмотря на появившиеся в последние годы исследования, в этой сфере осталось немало спорных и неразрешенных вопросов.

Отметим, что вопрос о юридической природе сроков обращения в суд является дискуссионным.

Б.А. Гороховым обоснованно обращается внимание на то, что сроки давности и по гражданским, и по трудовым отношениям являются нормами материального права, а не процессуального. Это нормы материального права, которые должны быть применены при разрешении конкретных дел, соответственно пропуск срока давности — юридически значимое обстоятельство и ст. 56 ГПК РФ требует в такой ситуации ставить вопрос о юридически значимом обстоятельстве на обсуждение, даже если стороны о нем не заявляют¹.

По мнению Л.А. Грось, нормы о сроках обращения в суд являются материально-правовыми, а сами сроки — юридическими фактами в материальном праве, в связи с чем недопустимо отказывать в иске, ссылаясь на процессуальный закон².

Е.В. Мотина обратила внимание на то, что в ст. 152 ГПК РФ сроки исковой давности и срок обращения в суд названы через запятую и нет никаких особых указаний на различия в их применении. Если признать сроки обращения в суд процессуальными, то в случае их пропуска суд должен отказать в возбуждении дела, поскольку последствием истечения указанного срока должна являться утрата права на иск в процессуальном смысле. Но, как отмечается в статье Е.В. Мотиной, такого основания для отказа в принятии искового заявления или его возвращения ГПК РФ не содержит, а помимо этого такой подход означал бы отказ в праве на судебную защиту, что недопустимо в силу ст. 46 Конституции РФ³.

В большинстве своем ученые — специалисты в области трудового права полагают, что сроки обращения в суд, приведенные в ст. 392 ТК РФ, — это сроки исковой давности⁴. Аналогично разрешает данный вопрос и Верховный Суд РФ⁵.

Представляется, что в данной дискуссии следует придерживаться мнения, согласно которому сроки обращения в суд, приведенные в ст. 392 ТК РФ, являются сроками исковой давности.

¹ См.: Горохов Б.А. Трудовые споры. Чему не учат студентов: учебно-практическое пособие. 2011. М.: Проспект. С. 56.

² См.: Грось Л.А. К вопросу о сроках в материальном и процессуальном праве. 2005. Юрист. № 10. С. 37.

³ См.: Мотина Е.В. Некоторые проблемы применения сроков обращения за разрешением трудовых споров на стадии предварительного судебного заседания. С. 301. В кн. Гусов К.Н. (ред.). Современное состояние законодательства и науки трудового права и права социального обеспечения: Материалы 6-й Международной научно-практической конференции. 2010. М.: Проспект. 720 с.

⁴ См., например: Орловский Ю.П. (ред.). Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) (7-е изд., испр., доп. и перераб.). 2015. М.: Контракт-Кнорус. 1272 с. Буянова М.О. Трудовые споры: Учеб.-практич. пособ. 2010. М.: Проспект. С. 3—36. Куренной А.М., Маврин С.П., Сафонов В.А. (ред.) и др. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) (3-е изд., пересм.). 2015. СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См., например: постановление Пленума Верховного Суда РФ № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (17.03.2004). Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 3. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за третий квартал 2003 г. (по гражданским делам), утвержденный постановлениями Президиума Верховного Суда РФ (03.12.2003 и 24.12.2003) СПС «КонсультантПлюс».

Отметим, что трудовое законодательство РФ не содержало и не содержит специальных норм, определяющих понятие исковой давности, основания приостановления и перерыва течения исковой давности, порядок применения исковой давности судом.

Первое, на что необходимо обратить внимание, — это последствия, которые может повлечь за собой пропуск срока обращения в суд. В трудовом законодательстве РФ ответа на этот вопрос нет. В пункте 2 ст. 199 ГК РФ указано, что истечение срока исковой давности, о применении которого заявлено стороной в споре, служит основанием к вынесению судом решения об отказе в иске.

Поясним, что нормы гражданского законодательства следует применять в данном случае по аналогии. В качестве обоснования такой позиции обратимся к Обзору судебной практики Верховного Суда РФ (по гражданским делам) за третий квартал 2003 г., утвержденному постановлениями Президиума Верховного Суда РФ от 3 и 24 декабря 2003 г.

В Обзоре отмечено, что поскольку в законодательстве РФ не урегулирован порядок применения судом сроков на обращение в суд, установленных в ст. 392 ТК РФ, то надлежит на основании ч. 3 ст. 11 ГПК РФ применять норму, регулиющую сходные отношения (аналогия закона). Далее говорится, что такой нормой может считаться ст. 199 ГК РФ.

Обратимся теперь к совместному постановлению Пленумов Верховного Суда РФ и Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 февраля 1995 г. № 2/1 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁶.

В пункте 12 данного документа разъяснено, что заявление стороны в споре о применении срока исковой давности является основанием к отказу в иске при условии, что оно сделано на любой стадии процесса до вынесения решения судом первой инстанции, и пропуск данного срока подтвержден материалами дела.

Таким образом, можно сделать вывод, что в рассматриваемом нами случае применяется ст. 199 ГК РФ и возможен отказ в иске.

Однако в юридической литературе высказывается и иная точка зрения.

Например, по мнению Е.В. Грин, законодатель не просто так разделил сроки исковой давности и сроки обращения в суд и, следовательно, аналогия с гражданским законодательством недопустима⁷.

В исследованиях по трудовому праву обращается внимание на то, что сроки обращения в суд и в комиссию по трудовым спорам, предусмотренные ст. 392 ТК РФ, — это самостоятельный вид давностных сроков, и, следовательно, необходимо дополнить ТК РФ нормами, четко определяющими их юридическую природу и порядок применения⁸. На наш взгляд, М.В. Пресняков обоснованно считает, что аналогия закона представляет собой исключительное правовое средство, предназначением которого является восполнение правового пробела и им делается правильный вывод о том, что сами правовые пробелы должны устраняться посредством внесения соответствующих изменений и дополнений в действующее законодательство.

Спорным остается также вопрос о начале течения срока исковой давности. Поэтому остановимся подробнее на содержании ст. 392 ТК РФ.

Частью 1 ст. 392 ТК РФ предусмотрено, что работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора в течение трех месяцев со дня, когда он узнал или должен был узнать о нарушении своего права, а по спорам об увольнении — в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки.

⁶ Бюллетень Верховного Суда РФ. 1995. № 5.

⁷ См.: Грин Е.В. К вопросу о различии понятий «сроки обращения в суд» по трудовым делам и «сроки исковой давности». 2009. Российская юстиция. № 3. С. 23—25.

⁸ См.: Князева Н.А. Сроки обращения за защитой трудовых прав работников: юридическая природа, продолжительность и порядок применения. 2013. Актуальные проблемы российского права. № 4. С. 451—457. Пресняков М.В. Сроки исковой давности в трудовом праве: о словах и терминах. 2018. Журнал российского права. № 3. С. 53—65.

В части 2 данной статьи предусмотрено, что за разрешением индивидуального трудового спора о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику, он имеет право обратиться в суд в течение одного года со дня установленного срока выплаты указанных сумм, в том числе в случае невыплаты или неполной выплаты заработной платы и других выплат, причитающихся работнику при увольнении.

Представляется, что если работнику известен срок исполнения работодателем обязанности, которая корреспондирует с правом работника, то при невыполнении такой обязанности с истечением указанного срока можно с уверенностью судить о том, что работник не может не знать о нарушении своего права. То есть названный момент времени должен повлечь за собой начало течения срока исковой давности.

Из содержания ст. 392 ТК РФ следует, что по спорам об увольнении работник может обратиться в суд в течение одного месяца со дня вручения ему копии приказа об увольнении либо со дня выдачи трудовой книжки.

Если работник отсутствовал на работе, в связи с чем не было возможности выдать ему копию приказа об увольнении или трудовую книжку, то в силу ст. 84.1 ТК РФ работодатель обязан направить работнику уведомление о необходимости явиться за трудовой книжкой либо дать согласие на отправление ее по почте. Месячный срок на обращение в суд по спорам о восстановлении на работе в этом случае следует исчислять с момента, когда работник получил такое уведомление⁹.

Если работник по каким-либо причинам отказался от получения приказа об увольнении и (или) трудовой книжки, то работодателю следует зафиксировать этот факт, а месячный срок, как отмечает А.М. Куренной, должен исчисляться с того дня, когда работник отказался от получения приказа об увольнении или трудовой книжки¹⁰.

На наш взгляд, верно указано М.В. Пресняковым на то, что в данном случае используется формальный критерий начала течения срока исковой давности. Соответственно, делается правильный вывод о том, что в каждом отдельном случае суд должен выяснять, совпадает ли установленный законодателем формальный критерий начала течения срока исковой давности (ознакомление с приказом или выдача трудовой книжки) с фактическими обстоятельствами дела¹¹.

В связи с указанным выше, представляется разумным предложение Н.А. Князевой о необходимости внесения изменения в ч. 1 ст. 392 ТК РФ, в соответствии с которым начало течения срока обращения в суд по спорам о восстановлении на работе будет определяться так же, как и для других споров: с момента, когда работник узнал или должен был узнать о нарушении своего права¹².

ТК РФ в ч. 3 ст. 392 регулирует вопрос о восстановлении сроков обращения в суд, при пропуске по уважительным причинам они могут быть восстановлены судом. В качестве уважительных причин пропуска срока обращения в суд могут расцениваться обстоятельства, препятствовавшие данному работнику своевременно обратиться с иском в суд за разрешением индивидуального трудового спора (например, болезнь истца, нахождение его в командировке, невозможность обращения в суд вследствие непреодолимой силы, необходимость ухода за тяжелобольным членом семьи)¹³.

Не может являться основанием для восстановления пропущенного работником срока на обращение в суд ссылка на юридическую неосведомленность.

⁹ См.: Тучкова Э.Г. (ред.). Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации. 10-е изд. перераб. и доп. 2018. М.: Проспект. С. 1277.

¹⁰ См.: Куренной А.М., Маврин С.П., Сафонов В.А. (ред.) и др. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) (3-е изд., пересм.). 2015. СПС «КонсультантПлюс».

¹¹ См.: Пресняков М.В. Сроки обращения за защитой трудовых прав: проблемы действующего законодательства и правоприменительной практики. 2012. Трудовое право. № 4. С. 63.

¹² См.: Князева Н.А. Указ. соч. С. 451—457.

¹³ См.: п. 5 постановления Пленума Верховного Суда РФ № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации» (17.03.2004).

Регулируя вопрос о восстановлении сроков обращения в суд, ТК РФ не затрагивает вопрос о приостановлении этих сроков, что, безусловно, является пробелом трудового законодательства РФ.

Работник имеет право обратиться в суд за разрешением индивидуального трудового спора о невыплате или неполной выплате заработной платы и других выплат, причитающихся работнику в течение одного года со дня установленного срока выплаты указанных сумм, в том числе в случае невыплаты или неполной выплаты заработной платы и других выплат, причитающихся работнику при увольнении (ч. 2 ст. 392 ТК РФ).

В юридической литературе, в частности А.В. Кузьменко, высказано мнение о том, что требование о взыскании начисленной, но не выплаченной работнику заработной платы не является трудовым спором, которое является верным¹⁴.

Весьма интересно разъяснение, данное постановлением Пленума Верховного Суда РФ от 17 марта 2004 г. № 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации».

В пункте 56 документа подчеркнуто, что при рассмотрении дела по иску работника, трудовые отношения с которым не прекращены, о взыскании начисленной, но не выплаченной ему заработной платы надлежит учитывать, что заявление работодателя о пропуске работником срока на обращение в суд само по себе не может служить основанием для отказа в удовлетворении требования. В этом случае срок на обращение в суд не пропущен, так как нарушение носит длящийся характер, и обязанность работодателя по своевременной и в полном объеме выплате работнику заработной платы, а тем более задержанных сумм, сохраняется в течение всего периода действия трудового договора.

Таким образом, можно заключить, что, по мнению Верховного Суда РФ, если заработная плата начислена, но не выплачена, то срок на обращение в суд начинает течь не со дня установленного срока выплаты, а со дня прекращения трудового договора.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Буянова М.О. Трудовые споры: учеб.-практич. пособ. М.: Проспект, 2010. 304 с.
2. Горохов Б.А. Трудовые споры. Чему не учат студентов: учебно-практическое пособие. 2011. М.: Проспект. 144 с.
3. Грин Е.В. К вопросу о различии понятий «сроки обращения в суд» по трудовым делам и «сроки исковой давности». 2009. Российская юстиция. № 3. С. 23—26.
4. Грось Л.А. К вопросу о сроках в материальном и процессуальном праве. 2005. Юрист. № 10. С. 35—40.
5. Князева Н.А. Сроки обращения за защитой трудовых прав работников: юридическая природа, продолжительность и порядок применения. 2013. Актуальные проблемы российского права. № 4. С. 451—457.
6. Куренной А.М., Маврин С.П., Сафонов В.А. (ред.) и др. Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) (3-е изд., пересм.). 2015. М.: Норма-Инфра-М. 848 с.
7. Мотина Е.В. Некоторые проблемы применения сроков обращения за разрешением трудовых споров на стадии предварительного судебного заседания. В кн. Гусов К.Н. (ред.). Современное состояние законодательства и науки трудового права и права социального обеспечения: Материалы 6-й Международной научно-практической конференции. 2010. М.: Проспект. 720 с.
8. Орловский Ю.П. (ред.). Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации (постатейный) (7-е изд., испр., доп. и перераб.). 2015. М.: Контракт-Кнорус. 1272 с.
9. Пресняков М.В. Сроки исковой давности в трудовом праве: о словах и терминах. 2018. Журнал российского права. № 3. С. 53—65.

¹⁴ См.: Сафонов В.А., Хохлов Е.Б. М. (ред.). Трудовые споры: учебное пособие. 2013. М.: Юрайт. С. 115.

10. Пресняков М.В. Сроки обращения за защитой трудовых прав: проблемы действующего законодательства и правоприменительной практики. 2012. Трудовое право. № 4. С. 55—74.
11. Тучкова Э.Г. (ред.). Комментарий к Трудовому кодексу Российской Федерации. 10-е изд. перераб. и доп. 2018. М.: Проспект. 1376 с.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Buyanova M.O. Trudovye spory: Ucheb.-praktich. Posob [Labour disputes: A Study Guide]. Moscow, Prospekt Publ., 2010. 304 p. (In Russian).
2. Gorokhov B.A. Trudovye spory. Chemu ne uchat studentov: uchebno-prakticheskoye posobiye [Labor disputes. What students are not taught: A Study Guide]. 2011. Moscow: Prospekt, 144 p. (In Russian).
3. Grin Ye.V. K voprosu o razlichii ponyaty «sroki obrashcheniya v sud» po trudovym delam i «sroki iskovoy davnosti» [The differences between the concepts «limitation periods» and «statute of limitations»]. 2009. *Rossyskaya yustitsiya*. No. 3. P. 23—26. (In Russian).
4. Gros L.A. K voprosu o srokakh v materialnom i protsessualnom prave [The issue concerning the terms and time periods in substantive and procedural law]. 2005. *Yurist*. No. 10. P. 35—40. (In Russian).
5. Knyazeva N.A. Sroki obrashcheniya za zashchitoy trudovykh prav rabotnikov: yuridicheskaya priroda, prodolzhitel'nost i poryadok primeneniya [Limitation periods for employees to go to court to protect their rights: The legal nature, duration and the order of application]. 2013. *Aktualnye problemy rossiyskogo prava* [Actual Problems of Russian Law]. No. 4. P. 451—457. (In Russian).
6. Kurennoy A.M., Mavrin S. P., Safonov V. A. (eds) et al. Kommentary k Trudovomu kodeksu Rossiyskoy Federatii (postateyny) [Annotated Commentary to the Labor Code of the Russian Federation]. 2015. Moscow: Norma-Infra-M. 3rd ed., revised. 848 p. (In Russian).
7. Motina Ye.V. Nekotorye problemy primeniya srokov obrashcheniya za razresheniyem trudovykh sporov na stadii predvaritelnogo sudebnogo zasedaniya [Some issues of application of limitation periods at the preliminary stage of court proceedings]. In Gusov K. N. (ed.). *Sovremennoye sostoyaniye zakonodatelstva i nauki trudovogo prava i prava sotsialnogo obespecheniya: Materialy 6-y Mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Current state of the laws and the science of labor law and social security law: Proceedings of the 6th International Scientific and Practical Conference]. 2010. Moscow: Prospekt, 720 p. (In Russian).
8. Orlovsky Yu.P. (ed.). Kommentary k Trudovomu kodeksu Rossiyskoy Federatii (postateyny) [Annotated Commentary to the Labor Code of the Russian Federation]. 2015. Moscow: Kontrakt-Knorus Publ. 7th ed. 1272 p. (In Russian).
9. Presnyakov M. V. Sroki iskovoy davnosti v trudovom prave: o slovakh i terminakh [Statute of limitations in labor law: about the words and terms]. 2018. *Zhurnal rossiyskogo prava*. No. 3. P. 53—65. (In Russian).
10. Presnyakov M. V. Sroki obrashcheniya za zashchitoy trudovykh prav rabotnikov: problemy deystvuyushchego zakonodatelstva i pravoprimenitel'noy praktiki [Limitation periods stipulated for protection of labor rights: problems of the current legislation and jurisprudence]. 2012. *Trudovoye pravo*. No. 2. 4. P. 55—74. (In Russian).
11. Tuchkova E. G. (ed.). Kommentary k Trudovomu kodeksu Rossiyskoy Federatii (postateyny) [Annotated Commentary to the Labor Code of the Russian Federation]. 2018. Moscow: Prospekt Publ., 10th ed. 1376 p. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 05.02.2019.

ТЕОРИЯ ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ТРУДАХ КЛАССИКОВ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ (И. КАНТ, Г. В. Ф. ГЕГЕЛЬ)

Егоров Александр Александрович — кандидат юридических наук, преподаватель кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
egorova90@mail.ru

Aleksandr A. Egorov — PhD in Law, Lecturer of the Department of Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9
egorova90@mail.ru

© А.А. Егоров, 2019

Аннотация. В статье исследуются взгляды на правонарушение классиков немецкой философии — И. Канта и Г.В.Ф. Гегеля. В рамках воззрений И. Канта анализируется градация правонарушений на преступления и гражданские правонарушения, признаки вменяемости, вины и наказуемости, а также прообраз права крайней необходимости как обстоятельства, исключающего преступность деяния. Наконец, исследуются доктринальные воззрения на противоправное поведение сквозь призму общепризнанных принципов и норм международного права, выделяются как профилактические меры, так и конкретные запреты, действующие в период вооруженных конфликтов. В контексте взглядов Гегеля рассматриваются гражданская неправда, обман и преступление, а также их качественные отличия друг от друга.

Ключевые слова: преступление, гражданское правонарушение, вменяемость, наказание, гражданская неправда, обман, преступление.

THE THEORY OF OFFENSE IN THE WORKS OF CLASSICS OF GERMAN PHILOSOPHY (I. KANT, G. V. F. HEGEL)

Abstract. The article examines the views regarding the Offense expressed by the classics of German philosophy, namely, Immanuel Kant and Hegel. Within the framework of Kant's philosophy, the author analyzes classification of offenses into crimes and civil wrongs, elements of sanity, fault and punishability, as well as the prototype of the right of extreme necessity as a defense to the criminal nature of the act. Finally, the author studies doctrinal views regarding illegal behavior through the prism of generally recognized principles and norms of international law, identifies both preventive measures and specific prohibitions implemented during armed conflicts. In the context of Hegel's philosophy, the author scrutinizes civil falsehood, deception and crime, as well as their qualitative differences that differentiate them from each other.

Keywords: crime, tort, responsibility, punishment, civil wrong, fraud, crime.

DOI 10.17803/2542-2472.2019.9.1.000-000

История человеческого общества характеризуется бесконечным многообразием событий, когда-либо и где-либо случившихся с отдельными людьми, различными группами и целыми странами. Несомненно, каждое из этих событий уникально и неповторимо. Однако все они приобретают социальную значимость лишь в рамках общественных отношений. Социальные связи и отношения как единственная форма жизни общества складываются объективно ввиду их обусловленности различными факторами совместной жизни людей. Вместе с тем необходимо понимать, что они существуют не сами по себе, а регулируются посредством воздействия на них различных социальных норм, в числе которых особое место занимают нормы права.

Право как особый регулятор общественных отношений позволяет квалифицировать поведение того или иного индивида как правомерное или противоправное. Первая модель проявления социальной активности одобряется и стимулируется государством, вторая — пересекается и карается. Неприемлемость совершения деяний, идущих вразрез с требованиями норм права с момента образования первых государств никогда не вызывала сомнений. Правонарушения и в особенности преступления, «будучи деструктивны по своей природе, выступают источником возмущающих воздействий, оказывают негативное влияние на экономические, политические, правовые и моральные устои социального порядка. Они как бы взламывают те нормативные препятствия, что ограждают социальную жизнь от всего опасного и нежелательного, от того, что мешает ее нормальному течению и продуктивному развитию. Они вносят в существующий социальный порядок начала беспорядка. Через них в «тело» социального космоса проникают порции хаоса»¹, — четко подмечает В.А. Бачинин. Это обстоятельство требует противодействия совершению действий (бездействий), которые не согласуются с нормами права.

Борьба с противоправными деяниями может быть эффективной лишь при наличии надежного научного базиса, раскрывающего природу этого социально-правового явления. Данное обстоятельство обуславливает активное исследование феномена правонарушения. Необходимо отметить, что в основе понимания любого явления, подпадающего под действие правовой сферы, лежат доктринальные положения, выработанные теми или иными учеными. Выдающийся русский юрист Н.М. Коркунов, осознавая прямую зависимость явлений общественной жизни от современного понимания права, нравственности и общества, писал: «Поэтому для юриста необходимо познакомиться с историческим развитием философских учений об этих понятиях, так как только путем знакомства с теоретическими воззрениями, которыми руководствовались люди, создавшие обычаи, законодательство и судебную практику, можно уяснить и понять положительное право»². Эта закономерность, несомненно, распространяется и на понимание правонарушения. «Правонарушение является тем социальным явлением, которое на всем протяжении развития мировой цивилизации вызывало к себе пристальное внимание теоретико-правовой мысли»³, — справедливо полагает А.А. Гогин.

Теоретико-правовой анализ категории правонарушения предполагает характеристику как «портретов» соответствующих мыслителей-классиков, так и соответствующих правовых течений, которые они представляли. Одними из наиболее ярких течений мировой научной мысли сто́ит признать немецкую философию конца XVIII — первой трети XIX в., которую заслуженно именуют классической. В ней нашли свое продолжение прогрессивные идеи философии Нового времени — вера в могущество разума, гуманизм, неотчуждаемые права личности⁴. Наиболее яркими представителями данного направления следует признать И. Канта (1724—1804) и

¹ Бачинин В.А. Основы социологии права и преступности. 2001. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та. С. 223.

² Коркунов Н.М. История философии права. 1907. СПб. С. 5.

³ Гогин А.А. Правонарушения: понятие, сущность, виды. 2007. М.: Nota Bene. С. 5.

⁴ См.: Кириллов В.И., Попов С.И., Чумаков А.Н. (ред.). Философия: Часть первая: История философии: Учеб. пособие. 1998. М.: Юрист. С. 180.

Г.В.Ф.Гегеля (1770—1831). Выбор этих ученых отнюдь не случаен. Разумеется, доктринальная трактовка феномена правонарушения имеет долгую историю. Так, уже Платон в полемике с Фрасимахом отстаивал позицию, согласно которой государство должно служить общему благу (несомненно, этот постулат стоит рассматривать в качестве превенции противоправного поведения). В свою очередь, Аристотель видел главную причину насильственных государственных переворотов в нарушении справедливости в отношениях между правителем и народом. В рамках средневековой политико-правовой науки Аврелий Августин и Фома Аквинский аналогично рассуждали о недопустимости тиранического правления и пренебрежения правами населения. Эти постулаты в дальнейшем проявились в признании за народом права на восстание в трудах Т. Гоббса и Д. Локка.

Несмотря на такое поступательное накопление, систематизацию и развитие политико-правовой составляющей категории правонарушения, именно вклад классиков немецкой философии заслуживает пристального внимания. И. Кант и Г.В.Ф. Гегель сформулировали более четкие представления о видах правонарушений, состоянии вменяемости, праве крайней необходимости, принципе гуманного отношения к личности преступника, соразмерности между правонарушением и наказанием, а также о наиболее опасных противоправных деяниях, посягающих на общепризнанные принципы и нормы международного права.

Родоначальник классической немецкой философии Иммануил Кант закладывает градацию правонарушений на виды. Нарушения публичных законов, которые делают лицо, их совершившее, неспособным быть гражданином государства, являются преступлением (*crimen*) или публичным преступлением (*crimen publicum*), т. е. речь идет об уголовных преступлениях. В качестве примеров мыслитель называет разбой, кражу, подделку векселей, изготовление фальшивых монет и т. д. Публичный характер этих деяний обусловлен тем, что они подвергают опасности не просто отдельное лицо, а общее благо. Существуют также частные преступления, т. е. гражданские правонарушения, которые подсудны не уголовному, а гражданскому суду. Речь идет о присвоении вверенных для торговли денег и товаров, обман при купле и продаже и т. д.⁵ Необходимо отметить, что ученый выделял в правонарушении не только его внешнее выражение, т. е. объективную сторону, но и упоминал о необходимости наличия свободы воли в деянии.

Состояние вменяемости исследователь связывал с наличием у лица свободной воли. Таким образом, вменяемость представляет собой состояние человека, когда он обладает свободной волей, а невменяемость — отсутствие свободной воли. Как мы видим, И. Кант намечает четкий прообраз современной уголовно-правовой категории вменяемости, которая включает в себе интеллектуальный и волевой элементы. Мыслитель отмечает необходимость учитывать субъективные моменты, которые влияют на степень уголовной ответственности. В частности, можно отметить крайнюю необходимость как обстоятельство, исключающее преступность деяния, прообраз которой был известен И. Канту. Речь идет о ситуации кораблекрушения, когда один человек сталкивает другого с доски, чтобы сохранить себе жизнь. Ошибочно полагать, что родоначальник классической немецкой философии одобрял подобную ситуацию. «Нужда не знает закона; и тем не менее нет такой нужды, которая сделала бы законосообразным то, что неправо»⁶. Таким образом, право крайней необходимости представляет собой не нечто невиновное, а скорее нечто ненаказуемое. А.В. Корнев, отмечая переоцененность И. Канта, рассматривает указанный казус как классическое выражение буржуазного индивидуализма⁷. С этим

⁵ См.: Пионтковский А.А. Уголовно-правовые воззрения Канта, Фейербаха и Фихте. 1940. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР. С. 49.

⁶ Цит. по: Мартышин О.В. (ред.). История политических и правовых учений: учебник. 2010. М.: Норма. С. 237.

⁷ См.: Корнев А.В. Нравственные основания права в трудах Г.В. Мальцева. Нравственное измерение и человеческий потенциал права. Сборник научных трудов. 2017. М.: Проспект. С. 97.

следует согласиться. Однако ценность этого примера в данном случае проявляется не в циничном пренебрежении чужой жизнью в целях спасти себя, а в прообразе конструкции права крайней необходимости как обстоятельства, исключающего преступность деяния.

Как справедливо пишет А.А. Пионтковский: «Кант считает, что степень ответственности за совершенные действия нужно оценивать по величине тех препятствий, которые лицо должно было преодолеть. Поэтому чем больше препятствия, вытекающие из соответствующих нравственных обязанностей, тем большей должна быть уголовная ответственность за совершенное нарушение»⁸. При этом, по мнению мыслителя, необходимо также учитывать душевное состояние лица, т. е. наличие или отсутствие состояния аффекта.

Вменение в вину совершенного деяния неизбежно влечет за собой наказание, которое ученый рассматривает в качестве правового последствия виновности правонарушителя. Существует мера ответственности, которая проявляется в угрызениях совести лица, нарушившего закон, т.е. естественное наказание. Наряду с ним, на практике неизбежно должно применяться и судебное наказание, которое заключается в причинении страданий преступнику органами государственной власти. Именно применение мер законного возмездия к правонарушителю философ рассматривает как проявление справедливости. Ввиду этого обстоятельства уголовный закон в данном случае представляет собой олицетворение категорического императива.

Наказание как мера государственного принуждения не может применяться во имя достижения утилитарных целей. Так, например, родоначальник классической немецкой философии отрицает возможность сохранения жизни преступнику, приговоренному к смертной казни, если он согласится, чтобы над ним произвели опасный медицинский эксперимент, удачный исход которого дал бы возможность врачам извлечь для общего блага определенную пользу⁹. Таким образом, закладывается прообраз современного уголовно-правового принципа гуманизма, не допускающего применение наказаний, унижающих честь и достоинство человека.

Признавая наказание неизбежным последствием совершенного правонарушения, И. Кант выступал за его соразмерность. Применение штрафа за словесную обиду недопустимо, т. к. такое наказание не стоит ни в каком справедливом соотношении с нанесенным оскорблением. Богатый человек в таком случае мог бы позволить себе наносить сколько угодно оскорблений другим людям ради своей прихоти. За совершение же наиболее тяжких деяний необходимо применять требования карательной справедливости. Так лицо, совершившее убийство, должно умереть. «Поэтому убийство и наказание за него не могут быть уравновешены иначе, как путем произведенной на основании судебного приговора казни преступника, освобождающей вместе с тем его и от всех страданий, которые человечество могло бы еще причинить его личности»¹⁰. Как известно, категория правонарушения не ограничивается масштабами конкретных государств, их законодательных систем и правоприменительных практик. Важную роль играют и международные преступления, которые являют собой посягательства на интересы всего мирового сообщества. И. Кант не обошел вниманием этот вопрос.

Будучи убежденным сторонником идеи единства международного и внутригосударственного права, а также апологетом вечного мира, И. Кант, разделяя мысли основателя науки международного права Г. Гроция, считал, что все войны делятся на правомерные (оборонительные) и неправоммерные (захватнические). Однако он идет дальше и формулирует свою программу действия для достижения вечного мира, отдельные тезисы которой являют собой четкий прообраз профилактики и борьбы с международными преступлениями.

Рассматривая мирные договоры как гарантию стабильности и нерушимости мирового сообщества, И. Кант полагает, что ни один мирный договор не может считаться таковым, если при его заключении существуют тайные поводы для новой

⁸ Пионтковский А.А. Указ. соч. С. 51.

⁹ Там же. С. 53.

¹⁰ Цит. по: Там же. С. 56.

войны¹¹. В этом случае речь идет о простом перемирии или временном прекращении враждебных действий, а не о вечном мире. Этот постулат представляет собой общую превенцию в сфере международного права. Мыслитель сформулировал ряд других профилактических мер, к числу которых отнес следующие: невозможность приобретения ни одного самостоятельного государства другим каким бы то ни было способом; необходимость упразднения постоянных войск, которые непрерывно угрожают войной; недопустимость использовать государственные долги для целей внешней политики или насильственно вмешиваться в политическое устройство и управление другого государства. Вместе с тем, будучи реалистом, И. Кант прекрасно понимал, что не всегда удастся избежать вооруженных конфликтов. При подобном развитии событий, по его мнению, также следует придерживаться ряда норм.

Ни одно государство в ходе вооруженных конфликтов не должно предпринимать таких действий, которые сделают невозможным взаимное доверие в будущем¹². Речь идет об использовании наемников, отравителей, нарушении капитуляции и подстрекательстве к измене. Подобные военные приемы бесчестны, так как и во время войны должно оставаться какое-либо доверие к образу мыслей врага. В противном случае нельзя было бы заключить никакого мира, и враждебные действия превратились бы в войну на истребление.

Оценивая постулаты теории правонарушения, предложенные И. Кантом, нельзя не отметить его ценные авторские выводы: градация противоправного деяния на виды, его осознанно-волевой характер и неизбежное наступление наказания за его совершение. Интересный подход к раскрытию природы правонарушающего поведения сформулировал еще один классик немецкой философии — Георг Вильгельм Фридрих Гегель. Применительно к воззрения этого ученого существуют исследования как общеправового характера в целом¹³, так и теории правонарушения в частности¹⁴, что, несомненно, наглядно демонстрирует его значимость для истории учений о праве и государстве.

Мыслитель в контексте абстрактного права одной из его составных частей называет неправду. «В неправде Гегель видит выражение противоречия особенной воли отдельного лица всеобщей воле, праву в себе. Произвол особенной воли отдельного лица утверждает неправду как свое собственное право»¹⁵, — отмечает А.А. Пионтковский. В качестве видов неправды мыслитель называл гражданскую неправду, обман и преступление.

Гражданская неправда представляет собой лишь ту видимость права, которая существует как видимость лишь в себе, т. е. объективно для права, но не существует как видимость субъективно для индивида. Для этого вида неправды характерно то, что лицо не сознает наличия в его действиях неправомерности. Ввиду этого обстоятельства мыслитель называет ее «добросовестной (простодушной) неправдой». Такой подход к пониманию гражданской неправды объясняется тем, что в данном случае отрицается лишь особенное, но всеобщая воля полностью признается и уважается данным лицом. «Если я говорю, что роза не красная, то я все-таки признаю, что она имеет цвет, поэтому я не отрицаю род, а отрицаю лишь особенное, красный цвет. Также и здесь признается право, каждое лицо хочет правого и добивается лишь того, чтобы с ним поступили в соответствии с правом; его неправое состоит только в том, что оно считает правом то, чего оно хочет»¹⁶. В случае совершения гражданской неправды для восстановления права не требуется применения наказания, так как здесь лицо ничего не замыслило против всеобщей воли, права в себе. Второй формой неправды, в соответствии с учением Гегеля, является обман.

¹¹ Кант И. Вечный мир. 1905. М. С. 2.

¹² Там же. С. 7.

¹³ Нерсесянц В.С. Гегель. 1979. М.: Юридическая литература.

¹⁴ Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. 1963. М.: Юридическая литература.

¹⁵ Там же. С. 134.

¹⁶ Гегель Г.В.Ф. Философия права. 1990. М.: Изд-во «Мысль». С. 140.

Мыслитель писал: «Право в себе в его отличие от права как особенного и налично-сущего определено, правда, в качестве требуемого как существенное, но есть вместе с тем в этом своем качестве только требуемое, с этой стороны нечто лишь субъективное, тем самым несущественное и только кажущееся. Так, всеобщее, низведенное особенной волей до чего-то только кажущегося — в договоре ближайшим образом в лишь внешнюю общность воли, — есть обман»¹⁷. При этой форме неправды особенная воля не нарушается, так как обманутого заставляют верить, что с ним поступают соответственно праву. Таким образом, требуемое право положено как субъективное и только кажущееся, что и составляет обман, который влечет за собой наказание, так как речь здесь идет о нарушении права.

Наконец, третью форму неправды составляет преступление. В данном случае не уважается ни право в себе, ни право, каким оно мне кажется, в котором, следовательно, нарушены обе стороны, субъективная и объективная. Совершая этот вид неправды, виновный одновременно посягает и на «право в себе» (всеобщую волю), и на «особенную» волю отдельного лица. Ввиду этого, преступление, в отличие от гражданской неправды, представляет собой не простое отрицательное суждение, а суждение бесконечно отрицательное. Мыслитель писал: «Кто совершает преступление, скажем определеннее, — совершает, например, воровство, тот отрицает не только особенное право другого лица на эту определенную вещь, как это имеет место в гражданском споре, а отрицает вообще его право, и вора поэтому не только обязывают отдать назад украденную им вещь, но и, кроме того, подвергают еще наказанию, потому что он нарушает право как таковое, т. е. право вообще»¹⁸. Преступление представляет собой нечто неразумное, так как преступник отрицает в потерпевшем его правоспособность, его волю вообще.

Еще одно проявление неразумности преступного поведения мыслитель усматривает в том, что оно противоречит понятию человека как существа разумного, имеющего возможность действовать подлинно свободно. Преступление, по мнению Гегеля, представляет собой акт насилия. Однако свободная воля человека сама по себе не может быть принуждена. Действительным предметом насилия в случае совершения преступления может быть лишь внешнее выражение свободы лица — тело и жизнь, его собственность. Таким образом, Г.В.Ф. Гегель предложил собственную градацию правонарушений на виды, сформулировал четкий прообраз общественной опасности деяния, выражающийся в форме реагирования на его совершение.

Выводы:

- классики немецкой философии развили классификацию правонарушений на частные и публичные, выделив достаточно четкий прообраз деликтов, административных правонарушений и преступлений;
- важным элементом любого противоправного деяния выступает свобода воли, которая проявляется во вменяемости правонарушителя, как в интеллектуальном, так и в волевом аспектах;
- сформулирована конструкция состава крайней необходимости, наличие которой позволяет квалифицировать поведение человека как нечто ненаказуемое;
- важная роль отводится правилу гуманного отношения к личности правонарушителя, которого вне зависимости от тяжести содеянного нельзя использовать в научных целях, подвергая тем самым опасности его жизнь и здоровье;
- отмечается недопустимость распоряжаться судьбой других государств и использовать нечестные методы ведения войны.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Цит. по: Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. 1963. М.: Гос. изд-во юридическая литература. С. 143.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Бачинин В.А. Основы социологии права и преступности. 2001. СПб.: Изд-во СПб. гос. ун-та. 308 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Философия права. 1990. М.: Изд-во «Мысль». 529 с.
3. Гогин А.А. Правонарушения: понятие, сущность, виды. 2007. М.: Nota Bene. 178 с.
4. Мартышин О.В. (ред.). История политических и правовых учений: учебник. 2010. М.: Норма. 912 с.
5. Кант И. Вечный мир. 1905. М. 102 с.
6. Коркунов Н.М. История философии права. 1907. СПб. 502 с.
7. Корнев А.В. Нравственные основания права в трудах Г.В. Мальцева. Нравственное измерение и человеческий потенциал права. Сборник научных трудов. 2017. М.: Проспект. С. 95—104.
8. Нерсисянц В.С. Гегель. 1979. М.: Юридическая литература. 111 с.
9. Пионтковский А.А. Уголовно-правовые воззрения Канта, Фейербаха и Фихте. 1940. М.: Юридическое издательство НКЮ СССР. 192 с.
10. Пионтковский А.А. Учение Гегеля о праве и государстве и его уголовно-правовая теория. 1963. М.: Юридическая литература. 468 с.
11. Кириллов В.И., Попов С.И., Чумаков А.Н. (ред.). Философия: Часть первая: История философии: Учеб. пособие. 1998. М.: Юрист. 376 с.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Bachinin V. A. Osnovy sotsiologii prava i prestupnosti [Foundations of Sociology of Law and Criminality]. 2001. St.Petersburg: SPbSU Publ. 308 p. (In Russian).
2. Hegel G. V. F. Filosofiya prava [Philosophy of Law]. 1990. Moscow, «Mysl» Publ. 529 p. (In Russian).
3. Gogin A. A. Pravonarusheniya: ponyatiye, sushchnost, vidy [Offences: The Definition, Essence, Types]. 2007. Moscow, Nota Bene Publ. 178 p. (In Russian).
4. Martyshin O. V. (ed.). Istoriya politicheskikh i pravovykh ucheny: uchebnik [History of Political and Legal Doctrines: A Textbook]. 2010. Moscow, Norma Publ., 912 p. (In Russian).
5. Kant I. Vechny mir [Perpetual Peace]. 1905. Moscow. 102 p. (In Russian).
6. Korkunov N. M. Istoriya filosofii prava [History of Philosophy of Law]. 1907. St. Petersburg. 502 p. (In Russian).
7. Kornev A.V. Nravstvennyye osnovaniya prava v trudakh G. V. Maltseva [Ethical Foundations of Law in Works by G.V. Maltsev]. In Nravstvennoye izmereniye i chelovechesky potentsial prava. Sbornik nauchnykh trudov [An ethical dimension and human potential of law. Collection of research papers]. 2017. Moscow, Prospekt Publ. P. 95—104. (In Russian).
8. Nersesyants V. S. Gegel. 1979. Moscow: Yuridicheskaya literatura. 111 p. (In Russian).
9. Piontkovskiy A. A. Ugolovno-pravovye vozzreniya Kanta, Feyerbakha i Fikhte [Criminal Law Views of Kant, Feuerbach, Fichte]. 1940. Moscow, Yuridicheskoye izdatelstvo NKYu SSSR [NKYu SSSR University Publishing House]. 192 p. (In Russian).
10. Piontkovsky A. A. Ucheniye Gegelya o prave i gosudarstve i ego ugolovno-pravovaya teoriya [Hegel's Doctrine Regarding Law and the State and his Criminal Law Theory]. 1963. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ. 468 p. (In Russian).
11. Kirillov V. I., Popov S. I., Chumakov, A. N. (eds). Filosofiya: Chast pervaya: Istoriya filosofii [Philosophy: Part I: History of Philosophy]. 1998. Moscow: Yurist Publ. 376 p. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 13.01.2019.

ПСИХОЛОГИЯ ПРАВОВЫХ ДЕВИАЦИЙ ПРАВОНАРУШЕНИЙ (К ВОПРОСУ ОБ ОПАСНОМ ВОЖДЕНИИ)¹

Коваленко Ксения Евгеньевна - кандидат юридических наук, доцент кафедры трудового, экологического права и гражданского процесса Юридического института Алтайского государственного университета 656049, Россия, г. Барнаул, пр. Социалистический 68, 202а
kovalenko1288@mail.ru

Kseniya E. Kovalenko - PhD in Law, Associate Professor of the Department of Labor, Environmental Law and Civil Procedure of the Law Institute of the Altai State University 656049, Russia, Barnaul, pr. Sotsialisticheskiy, 68, 202A
kovalenko1288@mail.ru

© К.Е. Коваленко, 2019

Аннотация. Актуальность изучения понятия и причин опасного (агрессивного) вождения обусловлена существенными изменениями Правил дорожного движения, среди которых — введение нового понятия, как «опасное вождение». Экстремальный характер деятельности водителей подчеркивается широко обсуждаемыми вопросами «личностного фактора» в обеспечении безопасности дорожного движения. Опасный стиль управления целесообразно определить как совокупность действий водителя по управлению транспортным средством, связанных с преднамеренным созданием помех, которые несут угрозу жизни и здоровью окружающих или увеличивают вероятность возникновения дорожно-транспортных происшествий. Подобные изменения законодательства должны стать существенным фактором в повышении уровня безопасности дорожного движения. При этом изменения недавно принятого пункта про опасное вождение и сопутствующих статей КоАП РФ неизбежны, т.к. они зависят от самих участников движения, их подготовки, обученности и информированности.

Ключевые слова: дорожное движение, опасное вождение, разумное поведение, законодательство, психология водителей.

PSYCHOLOGY OF LEGAL DEVIATIONS OF OFFENSES (REGARDING THE ISSUE OF CARELESS DRIVING)²

Abstract. The relevance of the study of the concept and causes of dangerous (aggressive) driving is preconditioned by substantial amendments to Traffic Rules, including

- ¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых МК-5088.2018.6.
- ² The study was supported by the grant of the President of the Russian Federation for the state support of young Russian scholars МК-5088.2018.6.

the introduction of a new concept of «dangerous driving.» An extreme nature of drivers' behaviour is emphasized by the widely discussed issues of a «personality factor» in ensuring traffic safety. A dangerous driving style should be defined as a set of actions of the driver navigating a vehicle associated with the deliberate creation of interference that threatens the life and health of others or increases the likelihood of road accidents. Such changes in legislation should become a significant factor in improving the traffic safety. At the same time, changes in the recently adopted paragraph regarding dangerous driving and related articles of the Administrative Code of the RF are inevitable, because they depend on the participants of the traffic themselves, their training, and awareness.

Keywords: traffic, dangerous driving, reasonable behavior, legislation, psychology of drivers.

DOI 10.17803/2542-2472.2019.9.1.018-025

Опасное (агрессивное) вождение является ключевым элементом современных проблем в области безопасности дорожного движения, этот фактор практически не изучен на психолого-правовом уровне. Факторы, влияющие на опасное вождение, необходимо изучить как с психологической точки зрения, так и с юридической. Количество погибших на дорогах России за 2000—2017 гг. характеризуется наличием определенного снижающего показателя, однако, абсолютные показатели снижаются медленно (в среднем за 2000—2017 гг. на 3 % в год) и нестабильно.

Под дорожным правонарушением следует понимать создающее угрозу здоровью и безопасности граждан, сохранности транспортных средств, дорог и дорожных сооружений, безопасности дорожного движения и установленному порядку управления им общественно вредное, противоправное, виновное (умышленное или неосторожное) действие либо бездействие, за которое законодательством предусмотрена административная ответственность.

Дорожно-транспортное происшествие — это событие, нарушающее процесс дорожного движения, которое возникает в результате потери возможности управлять транспортным средством и сопровождается гибелью, ранением людей, нанесением материального ущерба.

В Бельгии, например, предусматривается деление правонарушений в сфере дорожно-транспортных происшествий именно на три части: «преступления», «проступки» и «простые нарушения». Первые два понятия дорожно-транспортного происшествия (далее — ДТП) наказуемы в судебном порядке, последнее — это нарушение Правил дорожного движения, наказуемое в административном порядке.

Заслуживает внимания определение дорожно-транспортного происшествия, предложенное норвежскими учеными Р. Эльвиком, А.Б. Мюсеном: «Дорожно-транспортное происшествие — это происшествие, случающееся на дороге, открытой для движения, в котором участвуют одно и более транспортных средств. Дорожно-транспортное происшествие, в результате которого участник дорожного движения умирает в течение 30 дней — дорожно-транспортное происшествие со смертельным исходом».

Федеральный закон от 10 декабря 1995 г. № 196 «О безопасности дорожного движения» под дорожно-транспортным происшествием предлагает понимать событие, возникшее в процессе движения по дороге транспортного средства и с его участием, при котором погибли или ранены люди, повреждены транспортные средства, сооружения, грузы либо причинен иной материальный ущерб.

8 июня 2016 г. в п. 2.7 Правил дорожного движения РФ³ были внесены изменения, в части введения понятия, как «опасное вождение», под которым понимается неоднократное совершение одного или нескольких следующих друг за другом действий,

³ Правила дорожного движения. Официальный сайт ГИБДД РФ. URL: <http://www.1gai.ru/autonews/-statistikal> (дата обращения: 10.03.2017).

если эти действия повлекли создание водителем в процессе дорожного движения ситуации, при которой его движение и (или) движение иных участников дорожного движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба».

Актуальность темы обусловлена недавним изменением законодательства. Постановлением Правительства РФ от 30 мая 2016 г. № 477 в Правила дорожного движения был добавлен новый абзац — опасное вождение. В правилах дорожного движения указывается, что «опасное вождение — это неоднократное совершение одного или нескольких следующих друг за другом действий, если эти действия повлекли создание водителем в процессе дорожного движения ситуации, при которой его движение и (или) движение иных участников дорожного движения в том же направлении и с той же скоростью создает угрозу гибели или ранения людей, повреждения транспортных средств, сооружений, грузов или причинения иного материального ущерба».

В проекте Федерального закона № 37057-7 указано: «Статья 12.38. Опасное вождение». Опасное вождение — влечет наложение административного штрафа в размере пяти тысяч рублей».

Как указано в пояснительной записке к Проекту Федерального закона «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления административной ответственности за опасное вождение», цель законопроекта — установление административной ответственности за опасное вождение. Опасное вождение характеризуется повышенной опасностью для движения именно вследствие совершения совокупности указанных действий водителя, совершаемых в течение относительно короткого периода времени.

Данные изменения Госавтоинспекции подготовлены с целью выполнения плана мероприятий, которые должны снизить смертность на дорогах России от аварий, этот план был утвержден Правительством 4 августа 2015 г.

На данный момент термин «опасное вождение» доктринально раскрыт не полностью. По мнению председателя комитета по социальной политике Государственной Думы Федерального Собрания РФ Я.Е. Нилова, опасное вождение — это многократное перестроение, резкое торможение, резкое ускорение на дороге.

Большинством авторов выделяются следующие признаки опасного вождения:

1. Умысел, как обязательная характеристика опасного вождения;
2. Грубость, как характеристика, предусматривающая пренебрежение и неуважение к другим участникам дорожного движения, а также как предпосылка наказания водителей, чьи действия в процессе движения нарушают честь и достоинство других участников движения.
3. Систематичность — повторяемость деяния необходима для подтверждения первых двух характеристик.

Ельчанинова Н.Б., Хримли Р.А. определяют, что опасное вождение проявляется в препятствии обгону, если такое действие создает угрозу гибели или ранения людей. Данный пункт может вступать в противоречие с понятием «уступи дорогу», которое предполагает, что водитель должен уступать дорогу транспортному средству, которое имеет преимущественное право движения.

Так, к признакам опасного вождения они относят и повреждение транспортных средств, сооружений, грузов или причинение иного материального ущерба, к которым можно отнести повреждения как от физической силы, так и от транспортного средства.

Следует дополнить этот список видов опасного вождения такими признаками:

- превышение максимально разрешенной скорости движения;
- резкое трогание с места (с визгом шин и пробуксовкой);
- резкое торможение;
- подачу звуковых сигналов другим участникам движения (напомним, что Правила разрешают это делать только для предотвращения ДТП (вне населенного пункта, кроме того, как предупреждение об обгоне));

- ненормативные выкрики и жесты;
- несоблюдение дистанции и интервалов движения;
- частые перестроения;
- движение с дальним светом фар в нарушение ПДД;
- езду по тротуарам;
- проезд на красный свет;
- «обгон» справа.

Данное понятие еще недостаточно изучено в юридической литературе, необходимо рассматривать вождение автомобиля как сложнейший вид человеческой активности, представляющий собой синтез деятельности и дорожного поведения водителя, а также его общения с другими участниками дорожного движения.

В изучении психологических аспектов рискованного вождения, А.И. Кабалева⁴, А.И. Донцов⁴, подчеркивая сложность всех видов взаимодействия в таких системах, как дорожное движение и поведение участников дорожного движения, предлагают рассматривать «саму водительскую деятельность как социально детерминированную, возможную и существующую только через призму процессов социальной перцепции, атрибуции и конструирования образа дорожной ситуации в процессе взаимодействия участников дорожного движения».

На современном этапе активно изучаются области человеческого фактора в рамках опасного вождения, внедрены методы инструментальной оценки квалификации водителей (Б.Д. Ефремов, Ю.В. Оверин)⁵, в рамках профилактики ДТП разрабатываются педагогические основы подготовки водителей автотранспортных средств (С.А. Евтюков)⁶.

Предложен социально-психологический подход к изучению дорожного движения, где проблема конфликтности стала предметом целенаправленных исследований и в транспортной психологии (Ф.М. Пиир, Е.С. Кузьмин, Ю.П. Степкин, М.И. Логанов, Б.Ф. Ванда, Р.В. Ротенберг, Г.С. Улиханян, Ю.К. Стрелков) и др. В современной социальной психологии тема дорожного конфликта фактически не представлена.

Вопросы психологии обеспечения безопасности дорожного движения остро стоят в транспортной психологии (Ермолаев, Ю.В. Денисова, Д. Клебельсберг, Е.В. Козлов, М.А. Котик, В.М. Курганов, Ю.И. Лобанова, В.М. Мишуринов, А.Н. Романов и др., S.K. Baloguna, J.El. Chliaoutakis, Ch.S. Dula, M.E. Ballard, P. Ellison-Potter, C. Lee, B. Scott-Parker et al), при этом психологические аспекты, определяющие агрессивный стиль управления транспортным средством, исследованы не в той степени, в которой это требуется для обеспечения безопасности на дорогах. Именно противоречие между выраженным социальным заказом на дорожную безопасность и недостаточной теоретической определенностью феномена «опасный (агрессивный) стиль», его психологической детерминацией обуславливает актуальность проекта.

Большая часть исследователей анализируют деятельность водителя и психологические причины, снижающие его профессиональную надежность. Так, в рамках системного подхода транспортной психологии обращаются к управлению транспортным средством в контексте экстремальности и личностной детерминации поведения за рулем. Специалистами даются прогнозы основных типов поведения участников дорожного движения (в том числе стилей управления автотранспортом). Акцент на операциональных характеристиках деятельности водителя делается А. Каминским⁷,

⁴ Кабалева А.И., Донцов А.И. Особенности гендерного поведения водителей. 2013. Вопросы психологии. № 4. С. 69—87.

⁵ Ефремов Б.Д., Оверин Ю.В. Метод инструментальной оценки квалификации водителей. 2012. Техно-технологические проблемы сервиса. Вып. 3., Т. 2. С. 51—55.

⁶ Евтюков С.А., Васильев Я.В. Реконструкция и экспертиза ДТП в примерах. СПб.: Петрополис. 180 с.

⁷ Каминский А. Мастер вождения автомобиля. 2013. М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер». 240 с.

М.С. Горбачевым⁸. В этих и других публикациях управление транспортным средством рассматривается как деятельность, причем деятельность в особых (экстремальных) условиях.

Экстремальный характер деятельности водителей подчеркивается широко обсуждаемыми вопросами «личностного фактора» в обеспечении безопасности дорожного движения. Так, Ю.Ю. Голубихина и Н.А. Гончарова⁹ исследуют личностные возможности и способности водителей адекватно реагировать в экстремальных дорожных ситуациях (в первую очередь на уровне показателей подвижности и силы нервной системы, перцептивных особенностей). По мнению Н. Нарицына¹⁰, помимо профессиональной подготовленности водителя, слагаемыми безопасности на дороге выступают его психологическая готовность к деятельности в осложненных дорожных ситуациях, стрессоустойчивость и дисциплинированность. Подобные подходы также свидетельствуют об экстремальности деятельности водителей.

В России девиации поведения при управлении транспортным средством достаточно давно являются предметом научного психологического обсуждения. Так, в работах В.В. Ермолаева¹¹, Ю.И. Лобановой¹², Н. Нарицына¹³ и др. раскрывается проблематика агрессии как средства разрешения внутриличностного конфликта, а также факторов, предопределяющих стиль вождения. Ю.И. Лобанова¹⁴ активно исследует стиль вождения: определяющие факторы, характеристики, направления оптимизации, В.Е. Петров¹⁵ проводит психологический анализ проблемы опасного стиля управления транспортным средством.

Опасный стиль управления целесообразно определить как совокупность действий водителя по управлению транспортным средством, связанных с преднамеренным созданием помех, которые несут угрозу жизни и здоровью окружающих или увеличивают вероятность возникновения дорожно-транспортных происшествий. Примерами тому являются: частое маневрирование, резкое торможение после разгона, несоблюдение дистанции или интервала и т.п. Однако агрессивность в стиле управления следует рассматривать не только как деятельностный аспект, но и как характеристику личности водителя. В нем, как и во многих других экстремальных ситуациях, проявляется широкий спектр латентных личностных свойств.

Экстремальный характер деятельности водителей подчеркивается широко обсуждаемыми вопросами «личностного фактора» в обеспечении безопасности дорожного движения. Так, Ю.В. Денисова, Ю.Ю. Голубихина и Н.А. Гончарова исследуют личностные возможности и способности водителей адекватно реагировать в экстремальных дорожных ситуациях (в первую очередь на уровне показателей подвижности и силы нервной системы, перцептивных особенностей). По мнению Н. Нарицына, помимо

⁸ Горбачев М.С. Экстремальное вождение: Гоночные секреты. 2006. М.: Престиж книга. 304 с.

⁹ Голубихина Ю.Ю., Гончарова Н.А. Надёжность профессиональной деятельности водителей экстремального профиля. 2014. Психопедагогика в правоохранительных органах. № 3 (58). С. 3—6.

¹⁰ Нарицын Н. Психология безопасности вождения. 2006. М.: РИПОЛ классик. 256 с.

¹¹ Ермолаев В.В., Макушина О.П., Четверикова А.И. Социально-психологические детерминанты проявления агрессии водителями пассажирского транспорта на российских дорогах. 2013. Социальная психология и общество. № 2. С.108—118.

¹² Лобанова Ю.И. Стиль вождения: определяющие факторы, характеристики, направления оптимизации. 2015. Российский гуманитарный журнал. Т. 4, № 1. С. 76—84.

¹³ Петров В.Е. Психологически значимые факторы, определяющие стиль управления транспортным средством. 2016. Научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации». № 1 (57). С. 215—221.

¹⁴ Лобанова Ю.И. Стиль вождения: определяющие факторы, характеристики, направления оптимизации. 2015. Российский гуманитарный журнал. Т. 4, № 1. С. 76—84.

¹⁵ Петров В.Е. Психологически значимые факторы, определяющие стиль управления транспортным средством. 2016. Научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации». № 1 (57). С. 215—221.

профессиональной подготовленности водителя, слагаемыми безопасности на дороге выступают его психологическая готовность к деятельности в осложненных дорожных ситуациях, стрессоустойчивость и дисциплинированность. Подобные подходы также свидетельствуют об экстремальности деятельности водителей.

К переменным факторам, предопределяющим дорожно-транспортные происшествия, можно отнести:

- автомобиль (технические характеристики и техническое состояние автомобиля, а также (с социальной точки зрения) — класс автомобиля, его престижность и т.д.);
- собственно подготовка водителя (как в плане теоретических знаний, так и в техническом отношении);
- социальные регуляторы (не только существующие законодательные ограничения, но и нормы дорожного поведения, на которые в данный социально-экономический момент времени ориентировано общество, так как непосредственное поведение других участников дорожного движения может существенно повлиять на принятие водителем решений и их осуществление);
- особенности дорожной среды (знаки, разметка, дорожное покрытие, наличие — отсутствие населенных пунктов);
- психофизиологическое (и эмоциональное) состояние водителя.

К устойчивым факторам следует отнести:

- индивидуально-типологические свойства;
- уровень пригодности к управлению транспортным средством (прежде всего в психофизиологическом отношении);
- особенности дорожного поведения (прежде всего особенности маневрирования, в которых проявляются склонность к риску — осторожность, агрессивность, дисциплинированность);
- устойчивые системы способов и средств, используемых для осуществления деятельности: в психологическом отношении это прежде всего способы получения и обработки информации, необходимой для принятия решений в конкретных дорожных ситуациях; в техническом отношении — совокупность операций по управлению транспортным средством при осуществлении отдельных маневров;
- типичные эмоциональные переживания, особенности взаимодействий с другими участниками дорожного движения отражающиеся на специфике маневрирования и принятии и исполнении решений.

Сейчас не все пешеходные переходы оборудованы подсветкой или мигающей табличкой «Водитель, внимание! Пешеходный переход» и т.п., что делает опасным движение пешеходов в темное время суток. Необходимо решать эту проблему, выделять средства на безопасное устройство пешеходных переходов. Предлагаем массово наносить на дорожное покрытие специальные засечки (шумовые полосы) за определенное расстояние (150—200 м) до пешеходного перехода, чтобы водитель заранее был предупрежден.

В отдаленных городах РФ существует проблема недостаточности элементарных дорожных знаков. Решение данной проблемы — позволить облегчить и обезопасить жизнь участников движения.

Технический фактор убрать можно только при тщательном осмотре транспортного средства, в частности техосмотр. Его стоит ужесточить для тех категорий водителей, кто раньше привлекался к юридической ответственности за нарушение ПДД. Провести можно параллель, если водитель пренебрегает ПДД, то он вполне может и пренебречь состоянием своего транспортного средства. Состояние дорожного полотна, проведение ремонта дорог, интенсивность движения транспортных средств и пешеходов, обустройство дорог — все это влияет на факт возникновения дорожно-транспортных происшествий.

Природный фактор предупредить возможно путем смс-рассылки, информированности населения в СМИ и других источниках о состоянии погоды, природных катаклизмах и дорожном покрытии и т.д.

В заключение отметим тот факт, что безопасность дорожного движения зависит как от законодателя, правильности и реальности принятых норм, их действию в обществе, однако, нельзя забывать, что норма права подвержена влиянию государственного и общественного устройства, которые зависят от времени. Следовательно, неизбежны изменения недавно принятого пункта про опасное вождение и сопутствующих статей КоАП РФ, т.к. зависящих от самих участников движения, их подготовки, обученности и информированности.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кабалеvская А.И., Донцов А.И. Особенности гендерного поведения водителей. 2013. Вопросы психологии. № 4. С. 69—87.
2. Ефремов Б.Д., Оверин Ю.В. Метод инструментальной оценки квалификации водителей. 2012. Техничко-технологические проблемы сервиса. Вып. 3., Т. 2. С. 51—55.
3. Евтюков С.А., Васильев Я.В. Реконструкция и экспертиза ДТП в примерах. СПб.: Петрополис. 180 с.
4. Каминский А. Мастер вождения автомобиля. 2013. М.: Изд-во «Манн, Иванов и Фербер». 240 с.
5. Горбачев М.С. Экстремальное вождение: Гоночные секреты. 2006. М.: Престиж книга. 304 с.
6. Голубихина Ю.Ю., Гончарова Н.А. Надежность профессиональной деятельности водителей экстремального профиля. 2014. Психопедагогика в правоохранительных органах. № 3 (58). С. 3—6.
7. Наричын Н. Психология безопасности вождения. 2006. М.: РИПОЛ классик. 256 с.
8. Ермолаев В.В., Макушина О.П., Четверикова А.И. Социально-психологические детерминанты проявления агрессии водителями пассажирского транспорта на российских дорогах. 2013. Социальная психология и общество. № 2. С. 108—118.
9. Лобанова Ю.И. Стилъ вождения: определяющие факторы, характеристики, направления оптимизации. 2015. Российский гуманитарный журнал. Т. 4, № 1. С. 76—84.
10. Петров В.Е. Психологически значимые факторы, определяющие стилъ управления транспортным средством. 2016. Научно-практический журнал «Современные научные исследования и инновации». № 1 (57). С. 215—221.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Kabalevskaya A. I., Dontsov A. I. Osobennosti gendernogo povedeniya voditeley [Peculiarities of the traffic behaviour of drivers]. 2013. Voprosy psikhologii. No. 2. 4. P. 69—87. (In Russian).
2. Efremov B. D., Overin Yu. V. Metod instrumentalnoy otsenki kvalifikatsii voditeley [The method of instrumental assessment of drivers]. 2012. *Tekhniko-tekhnologicheskiye problemy servisa [Technical and technological problems of service]*. Issue 3., Vol. 2. P. 51—55. (In Russian).
3. Evtyukov S. A., Vasilyev Ya.V. Rekonstruktsiya i ekspertiza DTP v primerakh [Reconstruction and examination of road accidents in examples]. St.Petersburg: Petropolis Publ. 180 p. (In Russian).
4. Kaminsky A. Master vozhdeniya avtomobilya [Car driving master]. 2013. Moscow: «Mann, Ivanov i Ferber» Publ. 240 p. (In Russian).
5. Gorbachev M. S. Ekstremalnoye vozhdeniye: Gonochnye sekrety [Extreme driving: Racing secrets]. 2006. Moscow: Prestizh kniga Publ. 304 p. (In Russian).
6. Golubikhina Yu.Yu., Goncharova N. A. Nadezhnost professionalnoy deyatel'nosti voditeley ekstremalnogo profilya [Reliability of professional activity of drivers specializing in extreme driving]. 2014. *Psikhopedagogika v pravookhranitel'nykh organakh [Psychopedagogy in law enforcement agencies]*. No. 3 (58). P. 3—6. (In Russian).
7. Naritsyn N. Psikhologiya bezopasnosti vozhdeniya [Driving safety psychology]. 2006. Moscow: RIPOL klassik Publ. 256 p. (In Russian).

8. Ermolayev V. V., Makushina O. P., Chetverikova A. I. Sotsialno-psikhologicheskiye determinanty proyavleniya agressii voditelyami passazhirskogo transporta na rossyskikh dorogakh [Socio-psychological determinants of aggression demonstrated by drivers of passenger transport on Russian roads]. 2013. *Sotsialnaya psikhologiya i obshchestvo [Social Psychology and Society]*. No. 2. 2. P. 108—118. (In Russian).
9. Lobanova Yu. I. Stil vozhdeniya: opredelyayushchiye faktory, kharakteristiki, napravleniya optimizatsii [A driving style: determining factors, characteristics, directions of optimization]. 2015. *Rossysky gumanitarny zhurnal [Russian Humanitarian Journal]*. Vol. 4, No. 1. P. 76—84. (In Russian).
10. Petrov V. E. Psikhologicheski znachimye faktory, opredelyayushchiye stil upravleniya transportnym sredstvom [Psychologically significant factors that determine the driving style]. 2016. *Nauchno-praktichesky zhurnal Sovremennye nauchnye issledovaniya i innovatsii [Scientific and Practical Journal Modern Scientific Research and Innovation]*. No. 1 (57). P. 215—221. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 24.01.2019.

РАЗДЕЛЕНИЕ СУДЬБЫ ЗАЛОГА НЕДВИЖИМОСТИ И ОБЕСПЕЧЕННОГО ИМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА: АНАЛИЗ ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Кузнецова Екатерина Игоревна — руководитель практики «Разрешение споров» ООО «Интеллектуальный капитал».

119435, Россия, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 12, стр. 5

e.i.kuznetsova@yandex.ru

Ekaterina I. Kuznetsova — Head of the Settlement of Disputes Team at Intellectual Capital, LLC

119435, Russia, Moscow, Bolshoy Savvinskiy pereulok, d. 12, str. 5

e.i.kuznetsova@yandex.ru

© Е.И. Кузнецова, 2019

Аннотация. Российская доктрина всегда указывала на акцессорный характер залога недвижимости. С реализацией Концепции развития гражданского законодательства данный подход изменился. В настоящий момент Гражданский кодекс Российской Федерации содержит нормы, допускающие разделение основного обязательства и залога недвижимости при перемене лиц в обязательстве, продекларирован институт независимой ипотеки. Заключая соглашение об уступке прав (требований) по основному обязательству, стороны вправе предусмотреть в нем переход основного обязательства без ипотеки. Однако в этом случае залог прекратится. Это связано с отсутствием механизмов регулирования существования ипотеки отдельно от основного обязательства. В дальнейшем будут действовать правила о независимой ипотеке. Независимая ипотека является реализацией идеи Концепции о том, что ипотека представляет собой ограниченное вещное право. Анализ судебной практики показывает, что в настоящий момент подход к акцессорному характеру залога недвижимости не изменился.

Ключевые слова: залог недвижимости, независимая ипотека, основное обязательство, акцессорное обязательство, уступка прав, переход прав, переход обязательства, обязательственное право, вещное право, способ обеспечения обязательства, действующее законодательство.

SHARING OF THE DESTINY OF REAL ESTATE MORTGAGE AND THE OBLIGATION SECURED BY IT: CURRENT LEGISLATION ANALYSIS

Abstract. The Russian doctrine has always focused on the accessory nature of the mortgage (using real estate as a collateral). With the implementation of the Concept of Development of Civil Legislation, this approach has changed. At the moment, the Civil Code of the Russian Federation contains rules allowing the separation of the main obligation and the real estate mortgage if persons involved the obligation are changed.

Moreover, the institute of independent mortgage has been initiated. By entering into an assignment of rights (debts or claims) agreement under the principal obligation, the parties have the right to provide for the transfer of the principal obligation without mortgage. However, in this case, the pledge will cease to exist due to the lack of mechanisms regulating the existence of mortgages separately from the principal obligation. In the future, rules regarding independent mortgages will be applied. An independent mortgage represents implementation of the idea that a mortgage is a limited real right. Jurisprudence analysis shows that at the moment the way in which the accessory nature of real estate mortgage is treated has not changed.

Keywords: mortgage, independent mortgage, principal obligation, accessory obligation, assignment of rights, transfer of rights, transfer of obligations, law of obligations, property law, way of securing obligations, legislation.

DOI: 10.17803/2542-2472.2019.9.1.026-031

В российском праве действует принцип единства судьбы основного и акцессорного обязательств. Данный принцип представляет собой «зависимость возникновения, изменения, прекращения и действительности акцессорного правоотношения от возникновения, изменения, прекращения и действительности основного обязательства»¹. В случае недействительности основного обязательства акцессорное обязательство также признается недействительным, в случае перехода основного обязательства к новому кредитору акцессорное обязательство также должно перейти к этому кредитору.

В отношении одного из видов обеспечивающих обязательств — залога недвижимости (не оформленного закладной) — российская доктрина всегда указывала на его полностью акцессорный характер². Однако, в связи с реализацией Концепции развития гражданского законодательства РФ³, данный подход изменился.

Обратимся к букве действующего закона.

В соответствии с п. 2 ст. 354 ГК РФ передача залогодержателем своих прав и обязанностей по договору залога возможна лишь при одновременной передаче тому же лицу прав и обязанностей по основному обязательству, обеспеченному залогом. Однако дальше в норме содержится оговорка: «если иное не предусмотрено законом, при несоблюдении указанного условия залог прекращается». Таким образом, иная ситуация, предполагающая возможность передачи акцессорного требования без основного, законом допускается.

Аналогичное положение содержится и в п. 1 ст. 384 ГК РФ, согласно которой право первоначального кредитора переходит к новому кредитору в том объеме и на тех условиях, которые существовали к моменту перехода права, если иное не предусмотрено законом или договором. В частности, к новому кредитору переходят права, обеспечивающие исполнение обязательства.

В отношении залога недвижимости в ГК РФ появилась отдельная норма, а именно п. 4 ст. 341 ГК РФ⁴, прямо указывающая, что законом в отношении залога недви-

¹ Демушкина Е.С. Проблемы применимости акцессорности и вещной защиты ипотеки в российском гражданском праве. 2011. М.: Юриспруденция. 208 с.

² Например, комментарий к ст. 355 ГК РФ в Абова Т.Е., Кабалкин А.Ю. (ред.). Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). 2004. М.: Юрайт. 1069 с. Комментарий к ст. 47 в Алексеева Е.В., Комиссарова Е.Г., Микшис Д.В. (ред.) и др. Комментарий к Федеральному закону от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (постатейный). 2016. СПС «КонсультантПлюс».

³ «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009).

⁴ Введена Федеральным законом от 21.12.2013 № 367-ФЗ (ред. от 26.07.2017) «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации и при-

жимого имущества может быть предусмотрено, что залог считается возникшим, существует и прекращается независимо от возникновения, существования и прекращения обеспеченного обязательства. Таким образом, законодатель исключил полностью акцессорный характер ипотеки и закрепил возможность установления независимой ипотеки.

Однако в специальном законе — Федеральном законе «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (далее — ФЗ «Об ипотеке») — законодатель никаких изменений в данной части не внес. В нем содержатся положения, аналогичные п. 2 ст. 354 и п. 1 ст. 384 ГК РФ, введенные еще в 2002 г.⁵:

— абз. 2 п. 2 ст. 47 «Если не доказано иное, уступка прав по договору об ипотеке означает и уступку прав по обеспеченному ипотекой обязательству (основному обязательству)»;

п. 3 ст. 47 «Если договором не предусмотрено иное, к лицу, которому переданы права по обязательству (основному обязательству), переходят и права, обеспечивающие исполнение обязательства».

Таким образом, в действующем законодательстве, в общих и специальных нормах о залоге недвижимости, содержатся положения, допускающие разделение основного обязательства и акцессорного, т.е. существование независимой ипотеки.

Указанные нормы составляют две группы:

1. При переходе основного обязательства к новому кредитору залог может не передаваться — п. 1 ст. 384 ГК РФ, п. 3 ст. 47 ФЗ «Об ипотеке».
2. При переходе к новому кредитору залога основное обязательство может остаться у первоначального кредитора — п. 2 ст. 354 ГК РФ, абз. 2 п. 2 ст. 47 ФЗ «Об ипотеке».

В первом случае и ГК РФ, и ФЗ «Об ипотеке» содержат отсылку на договор: «если договором не предусмотрено иное». Таким образом, стороны свободны в установлении подобного условия в договоре — передать новому кредитору основное обязательство, но ипотеку оставить у первоначального кредитора.

Во втором случае нормы ГК РФ и ФЗ «Об ипотеке» несколько неоднозначны. П. 2 ст. 354 ГК РФ содержит формулировку «если иное не предусмотрено законом», а абз. 2 п. 2 ст. 47 ФЗ «Об ипотеке» — «если не доказано иное». Данные положения не дают ответа, какие последствия того, что «будет доказано иное» — залог может перейти к новому кредитору, оставив основное обязательство у первоначального, или же уступка в целом будет недействительной. Возможно, данная норма и есть именно «иное», которое «предусмотрено законом», то есть именно она допускает возможность перехода залога без основного обязательства. Однако использованная формулировка «если не будет доказано иное» носит больше казуальный характер, чем реальное закрепление положения о возможности перехода залога без основного обязательства.

Необходимо отметить, что на уступку прав по договору ипотеки не распространяется правило о запрете уступки без согласия должника, установленное п. 2 ст. 388 ГК РФ, поскольку личность первоначального кредитора не может иметь существенного значения для должника. Кроме того, поскольку исполнение по договору залога является неденежным, п. 4 ст. 388 ГК РФ прямо предусматривает отсутствие необходимости в получении такого согласия. Однако стороны договора ипотеки могут по соглашению сторон как запретить, так и ограничить уступку прав.

Интересна возможность сторон предусмотреть в договоре уступки прав переход основного обязательства без ипотеки. Действительно, как указывает Новоселова Л., «цессионарию в ряде случаев невыгодно принимать то или иное обеспечение (например, поддерживать заложенную недвижимость в надлежащем состоянии, обеспечивать ее страхование, реализовывать требование в отношении поручите-

знании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации».

⁵ Абз. 2 п. 2 и п. 3 ст. 47 ФЗ «Об ипотеке» не изменялись с момента их введения Федеральным законом от 11.02.2002 № 18-ФЗ.

ля-нерезидента и т.д.). В таких случаях переход обеспечительных прав может быть исключен соглашением между цедентом и цессионарием»⁶. Однако что в этом случае происходит с залогом?

Действующим законодательством хотя и установлена возможность существования ипотеки отдельно от основного обязательства, но не предусмотрены ни конкретные случаи такого существования, ни их основания, ни правовое регулирование независимой ипотеки, не решены и вопросы, связанные с регистрацией залога. Исходя из существующих механизмов регулирования, ипотека все еще следует судьбе основного обязательства или прекращается. Таким образом, ипотека не могла сохраниться у первоначального кредитора, она могла либо перейти к новому, либо прекратиться.

Возникает интересная ситуация: действующим законодательством предусмотрена возможность разделения основного обязательства и залога недвижимости при переходе основного обязательства к новому кредитору, но, исходя из имеющихся механизмов регулирования в этом случае залог у первоначального кредитора не сохранится, а прекратится. Следовательно, возможность сохранения ипотеки при переходе основного обязательства на практике невозможна.

Также возникает вопрос, возможна ли частичная передача прав по ипотеке в призма положений п. 1 ст. 384 ГК РФ, п. 3 ст. 47 ФЗ «Об ипотеке». На настоящий момент — нет, поскольку российскому праву неизвестен институт частичной уступки ипотечных требований⁷.

Таким образом, в настоящий момент норма п. 4 ст. 341 ГК РФ лишена практического смысла, она является «спящей» и не может применяться в рамках действующего законодательства. В настоящее время она носит декларативный характер и будет реализована с введением в действие положений Концепции развития гражданского законодательства РФ о независимой ипотеке.

Как указывает Витрянский В.В., «применительно к независимой ипотеке будут действовать правила, согласно которым уступка прав по обязательству, обеспеченному такой ипотекой, не повлечет за собой перехода независимой ипотеки; напротив, переход независимой ипотеки от залогодержателя к другому лицу будет осуществляться в том числе и без передачи этому лицу прав по обязательству, исполнение которого обеспечено независимой ипотекой»⁸.

Данные нововведения связаны с идеей Концепции о том, что ипотека не является способом обеспечения обязательства, а представляет собой ограниченное вещное право. В связи с этим предлагается оставить регулирование договора залога нормами обязательственного права, а права ипотеки — нормами вещного права⁹. В настоящий момент в ГК РФ уже введена норма, а именно абз. 2 п. 4 ст. 334 ГК РФ, согласно которой к залого недвижимого имущества применяются правила ГК РФ о вещных правах, а в части, не урегулированной указанными правилами и ФЗ «Об ипотеке», общие положения о залоге. Однако неясно, какие нормы о вещных правах подлежат применению к ипотеке, какие-либо специальные положения о залоге недвижимости как о вещном праве также отсутствуют. Таким образом, данная норма, как и п. 4 ст. 341 ГК РФ, не может в настоящий момент применяться на практике, а нацелена на грядущие изменения.

⁶ Новоселова Л.А. Объем прав кредитора, переходящих к другому лицу (комментарий к ст. 384 ГК РФ). 2016. Хозяйство и право. № 3. С. 3—18.

⁷ Алексеева Е.В., Комиссарова Е.Г., Микшис Д.В. (ред.) и др. Комментарий к Федеральному закону от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (постатейный). 2016. СПС «КонсультантПлюс».

⁸ Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. 2018. М.: Статут. 528 с.

⁹ П. 8.1 «Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009).

Рассмотрим конкретное дело¹⁰. Стороны заключили соглашение об уступке прав по кредитному договору, прямо указав, что к цессионарию переходят все права и обязанности, существующие на момент заключения данного соглашения, однако без любых обеспечений по кредитному договору. Кредитный договор был обеспечен рядом способов, в том числе и залогом недвижимости. Что произошло с залогом? Как было рассмотрено ранее, он прекратился, и именно такой вывод был сделан судами при рассмотрении данного дела, однако должник о прекращении ипотеки узнал лишь в ходе судебного разбирательства.

После произошедшей перемены лиц обязательства по кредитному договору были исполнены, и должник обратился к первоначальному кредитору, обозначенному в реестре в качестве залогодержателя, с тем, чтобы обратиться в Росреестр с совместным заявлением о погашении записи об ипотеке, как это предусмотрено п. 1 ст. 25 ФЗ «Об ипотеке». Однако кредитор находился в процессе банкротства и соответствующее заявление подавать отказался. Должник был вынужден обратиться в суд. И лишь в суде он был ознакомлен с текстом соглашения об уступке прав, откуда узнал, что ипотека прекратилась еще в момент заключения соглашения (действительно, законом не предусмотрена необходимость получения согласия должника на переход при уступке права (требования) к новому кредитору прав, обеспечивающих исполнение должником денежного обязательства, а в силу п. 1 ст. 385 ГК РФ должник обязан исполнить обязательство новому кредитору в случае получения уведомления о состоявшейся уступке от первоначального кредитора, при этом, исходя из практики, такое уведомление может содержать простую фразу «все права и обязанности перешли к новому кредитору на основании заключенного соглашения»).

На данном примере хорошо видно, что при переходе основного обязательства ипотека может быть прекращена волей лишь одной из ее сторон (кредитора), в то время как другая сторона (должник) в силу сложившихся обстоятельств может и не узнать о произошедшем прекращении.

Также представляется, что возможность сторон предусмотреть в договоре разделение основного обязательства и залога недвижимости, что приведет к автоматическому прекращению ипотеки, возникла скорее ввиду несовершенства юридической техники, чем осознанного замысла законодателя.

Из анализа судебной практики видно, что ввиду отсутствия специального механизма регулирования существования ипотеки отдельно от основного обязательства стороны не пользуются правом, предоставленным им п. 1 ст. 384 ГК РФ, п. 3 ст. 47 ФЗ «Об ипотеке», и не оставляют (тем самым прекращая) ипотеку у первоначального кредитора. Более того, большинство судебных актов цитируют п. 3 ст. 47 ФЗ «Об ипотеке», который содержит фразу «если договором не предусмотрено иное», и следом делают вывод: «из положений, содержащихся в ст. 329, 384 ГК РФ, следует, что обеспечивающее обязательство (ипотека) следует судьбе обеспечиваемого обязательства, при этом обеспечивающее обязательство передается в силу прямого указания закона»¹¹.

Таким образом, в настоящий момент возникла противоречивая ситуация. Действующее законодательство предусматривает возможность существования независимой ипотеки, наделяет стороны правом разделить основное обязательство и залог недвижимости при переходе прав по основному обязательству (что, однако, приведет к прекращению залога), однако механизмы регулирования независимой ипотеки отсутствуют, ввиду чего данные нормы не могут применяться на практике. Принцип единства судьбы основного обязательства и залога недвижимости продолжает сохраняться.

¹⁰ Дело № А40-243522/2015.

¹¹ Например, постановление Арбитражного суда Московского округа № Ф05-18509/2017 по делу № А40-179919/2016 (23.04.2018), постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа № Ф04-11595/2014 по делу № А67-874/2014 (27.07.2018).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Витрянский В.В. Реформа российского гражданского законодательства: промежуточные итоги. 2-е изд., испр. и доп. 2018. М.: Статут. 528 с.
2. Демушкина Е.С. Проблемы применимости акцессорности и вещной защиты ипотеки в российском гражданском праве. 2011. М.: Юриспруденция. 208 с.
3. Абова Т.Е., Кабалкин А.Ю. (ред.). Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный). 2004. М.: Юрайт. 1069 с.
4. Алексеева Е.В., Комиссарова Е.Г., Микшис Д.В. (ред.) и др. Комментарий к Федеральному закону от 16 июля 1998 г. № 102-ФЗ «Об ипотеке (залоге недвижимости)» (постатейный). 2016. СПС «КонсультантПлюс».
5. Новоселова Л.А. Объем прав кредитора, переходящих к другому лицу (комментарий к ст. 384 ГК РФ). 2016. Хозяйство и право. № 3. С. 3—18.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vitryansky V.V. Reforma rossyskogo grazhdanskogo zakonodatelstva: promezhutochnye itogi [The Russian Civil Law Reform: interim results]. 2018. Moscow, Statut Publ., 2nd ed. 528 p. (In Russian).
2. Demushkina Ye.S. Problem primenimosti aktsessornosti i weshchnoy zashchity ipoteki v rossyskom grazhdanskom prave [Problems of Applicability of Accessory and Property Protection of Mortgage Loans in Russian Civil Law]. 2011. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 208 p. (In Russian).
3. Abova T. E., Kabalkin A. Yu. (eds). Kommentary k Grazhdanskomu kodeksu Rossyskoy Federatsii, chasti pervoy (postateyny) [Annotated Commentary to the Civil Code of the Russian Federation, Part One. 2004. Moscow, Yurayt Publ., 1069 p. (In Russian).
4. Alekseyeva Ye.V., Komissarova Ye.G., Mikshis D. V. (eds) et al. Kommentary k Federalnomu zakonu ot 16 iyulya 1998 g. No. 102-FZ «Ob ipoteke (zaloge nedvizhimosti)» (postateyny) [Annotated Commentary to the Federal Law of July 16, 1998, no.102-ФЗ «On Mortgage (Pledge of Real Estate)». 2016. SPS «Konsultantplus». (In Russian).
5. Novoselova L. A. Obyem prav kreditora, perekhodyashchikh k drugomu litsu (kommentary k st. 384 GK RF) [The scope of creditor's rights assigned to another person (Commentary to art. 384 of the Civil Code of the Russian Federation). 2016. Khozyaystvo i pravo [Business and Law]. No. 3. P. 3—18. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 28.11.2018.

ВОПРОСЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВА НА ИНФОРМАЦИЮ ЧЕРЕЗ ИНСТИТУТ БИБЛИОТЕКИ В СВЕТЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ДОКУМЕНТОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЫ

Пашнина Татьяна Викторовна — преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин Уральского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск), аспирант кафедры теории государства и права, конституционного и административного права Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)
454084, Россия, Челябинск, пр. Победы 160
pashninatv_chel@mail.ru

Tatyana V. Pashnina — Lecturer of the Department of State and Law Disciplines of the Ural branch of the Russian State University of Justice (Chelyabinsk), Postgraduate Student of the Department of Theory of the State and Law, Constitutional and Administrative Law of the South Ural State University (Chelyabinsk)
454084, Russia, Chelyabinsk, pr. Pobedy, d. 160
pashninatv_chel@mail.ru

© Т.В. Пашнина, 2019

Аннотация. *Существование человека XXI в. неотделимо от феномена информации, «пронизывающего» все сферы жизнедеятельности. Не менее важна информация и в жизни любого современного государства, поскольку без адекватного развития информационных технологий страна не может поддерживать свою обороно- и конкурентоспособность. Это обстоятельство обуславливает значимость информационных прав и признание их в качестве стратегических интересов нашей страны. Важнейшими вехами в современной информационной политике российского государства стало принятие двух указов Президента РФ: № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» (05.12.2016) и № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» (09.05.2017), в которых установлен курс на формирование в России высокоразвитого «общества знаний» и обеспечение граждан страны качественной, безопасной и достоверной информацией, а также сохранение нецифровых форм получения товаров и услуг. Одним из информационных институтов, способным предоставлять информацию, удовлетворяющую заданным критериям, является институт библиотеки, культурный потенциал которого насчитывает тысячелетнюю историю. При этом реализация права на информацию в библиотечной сфере имеет свою специфику: оно опосредуется через право пользователей библиотек на библиотечное обслуживание и во многом базируется на актах «мягкого права», созданных национальными и международными библиотечными ассоциациями и организациями. По результатам исследования обоснован ряд условий, необходимых для того, чтобы библиотека*

как социальный институт могла успешно реализовать положения стратегических документов информационной сферы, главным среди которых названа разработка стратегии развития библиотечного дела.

Ключевые слова: информация, информационное общество, право на информацию, информационная политика, стратегические документы, доктрина информационной безопасности, стратегия развития информационного общества, общество знания, библиотека, правовое регулирование библиотечного дела.

ISSUES OF IMPLEMENTATION OF THE RIGHT TO INFORMATION THROUGH THE INSTITUTE OF LIBRARY IN THE LIGHT OF STRATEGIC DOCUMENTS OF THE INFORMATION SPHERE

Abstract. The existence of a Man of the 21st Century is inseparable from the phenomenon of information «penetrating» all spheres of life. Information is no less important in the life of any modern State, because without proper development of information technology the country can not maintain its defense and competitiveness. This fact determines the importance of information rights and their recognition as strategic interests of our country. The adoption of two presidential decrees has become the most important milestone in the modern information policy of the Russian State: Presidential Decrees no. 646 «On Approval of the Doctrine of Information Security of the Russian Federation» (05 December 2016) and No. 203 «On the Strategy of Development of the Information Society in the Russian Federation for 2017—2030» (09 May 2017) that determines a course for the formation in Russia of a highly developed «knowledge society» and providing citizens with high-quality, safe and reliable information, as well as the preservation of non-digital forms of access to goods and services. The library is one of the information institutions capable of providing information that meets the specified criteria and the cultural potential of which has a thousand years of history. At the same time, the implementation of the right to information in the library sector has its own specifics: it is mediated through the right of library users to library services and is largely based on acts of «soft law» created by national and international library associations and organizations. According to the results of the study, the author substantiates a number of conditions necessary for the library as a social institution to be able to successfully implement the provisions of information sphere strategic documents, the main among which includes elaboration of a strategy for the development of librarianship.

Keywords: information, information society, right to information, information policy, strategic documents, information security doctrine, information society development strategy, knowledge society, library, legal regulation of library business.

DOI: 10.17803/2542-2472.2019.9.1.032-038

В современном мире информация превращается в стратегический ресурс, без достаточного уровня владения которым страна не может занять достойное место на мировой арене. Именно поэтому права и свободы человека в информационной сфере, а также их обеспечение признаны неотъемлемой составляющей национальных интересов Российской Федерации¹.

¹ См., напр.: Терещенко Л.К. Правовой режим информации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. 2011. М. С. 5.

Феномен информации неотделим от интеллектуально-духовной сферы человеческого бытия, посредством которой обеспечиваются преемственность поколений и эволюционное развитие цивилизации в целом.

Данный тезис соответствует положениям важнейших стратегических документов информационной сферы: Указу Президента РФ от 05 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»² и Указу Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы»³, в которых вектор информационной политики направлен на доступ к информации, соответствующей высоким культурным и образовательным стандартам, необходимым для сохранения культурной самобытности страны и развития ее духовного потенциала.

Помимо этого, одним из принципов Стратегии развития информационного общества провозглашено сохранение традиционных и привычных для граждан нецифровых форм получения товаров и услуг, в связи с чем неминуемо возрастает роль традиционных информационных институтов, в том числе института библиотеки, выполняющему свою общественно значимую функцию в соответствии с Конституцией Российской Федерации 1993 г. и Федеральным законом № 78-ФЗ «О библиотечном деле» от 29 декабря 1994 г. (далее — Закон о библиотечном деле)⁴.

Владимир Николаевич Зайцев, много лет бывший генеральным директором Российской национальной библиотеки, задавался вопросом, почему именно они выделяются среди множества других информационных институтов, и отвечал на него следующим образом: «во-первых, потому что библиотеки — наиболее демократический информационный официальный институт, именно в них личность является не объектом информационного воздействия, как, например, в средствах массовой информации, а субъектом, свободно осуществляющим свой выбор.

Во-вторых, потому что информационный ресурс библиотек не ограничивается временем и пространством. Крупные библиотеки, с одной стороны, — это хранилища документов, всего, что создано и создается, с другой — благодаря современным технологиям они — ворота в мир информации.

В-третьих, фонды публичных библиотек по сути своей наиболее приближены к потребностям населения»⁵.

Александр Васильевич Годованный поддерживает эту позицию, подчеркивая тот факт, что «библиотеки создают условия для интеллектуальной свободы, обеспечивая доступ к информации, идеям и творческим работам на любом носителе и независимо от границ, помогают сохранять демократические ценности и всеобщие гражданские права, борясь с любой формой цензуры, а также способствуют разумному функционированию всеобъемлющего информационного общества»⁶.

Необходимо отметить, что реализация права на информацию в библиотечной сфере имеет свою специфику. Во-первых, оно опосредуется через право пользователей библиотек на библиотечное обслуживание, закрепленное в ст. 5 Закона о библиотечном деле, которое, в свою очередь, базируется на конституционном праве на информацию.

² Указ Президента РФ № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» (05.12.2016). 2016. Собрание законодательства РФ. № 50. Ст. 7074.

³ Указ Президента РФ № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 годы» (09.05.2017). 2017. Собрание законодательства РФ. № 20. Ст. 2901.

⁴ Федеральный закон № 78-ФЗ «О библиотечном деле» (29.12.1994). 1995. Собрание законодательства РФ. № 1. Ст. 1.

⁵ Зайцев В.Н. Информатизация как инструмент формирования гражданского общества. 2005. Библиотековедение. № 1. С. 25—29.

⁶ Годованный А.В. Информационное право: учеб. пособие. 2010. Новосибирск: Изд-во СибАГС. С. 99.

При этом стоит иметь в виду, что библиотечная информация, в том числе цифровой контент, как правило, предоставляется бесплатно, что немаловажно в условиях кризисного состояния отечественной экономики.

Во-вторых, на его реализацию оказывают значительное влияние акты «мягкого права», создателями которых являются ЮНЕСКО, ИФЛА (международная федерация библиотечных ассоциаций и учреждений), Библиотечная ассамблея Евразии, РБА (Российская библиотечная ассоциация) и т.д., в которых нашло отражение понимание библиотечным сообществом роли института библиотеки в качестве гарантии реализации права граждан на информацию.

Так, в Манифесте ЮНЕСКО о публичных библиотеках 1994 г.⁷ отмечается, что «свобода, процветание и развитие общества и личности принадлежат к основным человеческим ценностям. Но обрести их можно лишь тогда, когда хорошо информированные граждане способны осуществлять свои демократические права и играть активную роль в обществе. Действенное участие в жизни общества и развитие демократии возможны только при условии удовлетворительного образования, равно как и свободного и неограниченного доступа к знаниям, идеям, культуре и информации»⁸.

Манифест ИФЛА о цифровых библиотеках 2005 г. утверждает: «распространение информации позволяет гражданам участвовать в обучении и образовании на протяжении всей жизни... Равный доступ к культурному и научному наследию человечества является правом каждого человека и помогает пропаганде обучения и понимания богатства и разнообразия мира не только для нынешнего поколения, но и для грядущих поколений. Библиотеки долго были главными очагами пропаганды мира и гуманитарных ценностей. Теперь библиотеки действуют в цифровой форме, и их цифровые услуги открывают новый канал для всеобщего получения знаний и информации, установления связи между культурами через географические и социальные границы»⁹.

Согласно Принципам, провозглашенным Лионской декларацией, принятой 18 августа 2014 г. в рамках Всемирного библиотечного и информационного конгресса, «устойчивое развитие необходимо для социально-экономической стабильности и благосостояния людей в любой точке мира...

Такие информационные посредники, как библиотеки, архивы, общественные организации, общественные деятели и средства массовой информации имеют достаточно знаний и средств, чтобы помогать правительствам, учреждениям и частным лицам обмениваться, организовывать, структурировать и понимать данные, необходимые для развития»¹⁰.

Подобную позицию поддерживают и на национальном уровне. В «Модельном стандарте деятельности общедоступной библиотеки», разработанным Министерством культуры РФ и утвержденном 31 октября 2014 г., провозглашается: «идеология сегодняшних преобразований направлена на построение информационного, интеллектуально развитого общества...

На протяжении веков библиотеки были собирателями интеллектуальной памяти наций и государств. В настоящее время библиотеки — это крупнейшие депозитарии, способные предоставлять в общественное пользование результаты развития цивилизации — сокровища истории, культуры, науки и технологического развития»¹¹.

⁷ Манифест ЮНЕСКО о Публичных библиотеках (1994). 1995. Библиотека. № 6.

⁸ Фирсов В.Р. Регулирование деятельности библиотек на основе законодательства в области библиотечного дела: дис. ... докт. пед. наук. 2000. СПб. 362 с.

⁹ Манифест ИФЛА о цифровых библиотеках (2005). URL: <http://www.ifap.ru/ofdocs/ifla/ifla15.pdf> (дата обращения: 09.10.2018).

¹⁰ Лионская декларация по доступу к информации и развитию (2014). 2015. Науч. и техн. б-ки. № 3. С. 57—58.

¹¹ Модельный стандарт деятельности общедоступной библиотеки: рекомендации органам государственной власти субъектов Российской Федерации и органам муници-

При этом не вызывает сомнений тот факт, что в условиях цифровой среды значительной частью российского общества библиотека воспринимается как социальный институт, выполнивший свою историческую миссию. В этом плане показательно мнение основателя электронной библиотеки Lib.Ru Максима Мошкова, утверждающего, что «задача традиционных библиотек — достойно встретить старость»¹². М. Мошков отмечает в качестве проблем современных библиотек «отсутствие денег, ресурсов и людей, падение интереса со стороны читателей». Во многом с высказанным мнением можно согласиться, хотя суждение о том, что «библиотекам не позорно умереть, пока у них есть люди и ресурсы, пока их не разогнали, пока у них не отобрали помещения и не отдали их под кафе»¹³ не представляется единственно возможным вариантом сценария будущего библиотеки.

Названные проблемы библиотечного дела берут свое начало в 90-х гг. XX в., однако качественное состояние современных библиотек кардинально отличается от того, каким оно было в конце прошлого века. В настоящее время традиционная библиотека в «чистом виде», то есть включающая только фонд печатных изданий, практически перестала существовать, трансформировавшись в библиотеку «гибридную» («полидокументную»), включающую как традиционный печатный, так и электронный информационный ресурс.

Однако переосмысление роли библиотеки в современной цифровой среде необходимо не только внутри библиотечного сообщества¹⁴, но и среди российского общества в целом.

В связи с этим целесообразно представляется разработка стратегии развития библиотечного дела, в которой найдут отражение стоящие перед библиотечной сферой проблемы, долгосрочные перспективы развития отрасли и понимание роли библиотек в современном информационном обществе в качестве «быстрого и удобного навигатора по знаниям, площадки для саморазвития»¹⁵. Разработанный и принятый в настоящее время «План мероприятий («дорожная карта») по перспективному развитию общедоступных библиотек»¹⁶ не охватывает все виды библиотек и не дает должного теоретического и идеологического осмысления данных аспектов.

При этом деятельность библиотек должна быть построена на принципе соблюдения разумного баланса между предоставлением информации в электронной (цифровой) и традиционной формах, чтобы полный доступ к ней имели все категории граждан, в том числе не владеющие информационными технологиями. Библиотека не просто способна предоставить необходимую информацию и знания, но и сделать это в максимально комфортной форме, что немаловажно в работе с социально незащищенными группами населения: детьми, инвалидами, мигрантами, что позволяет ей способствовать преодолению «цифрового разрыва» в российском обществе.

пальной власти / Министерство культуры РФ, Российская библиотечная ассоциация. 2014. М. 18 с.

¹² Рязанова Д. «Задача традиционных библиотек — достойно встретить старость»: интервью с М. Мошковым. 2018. ЧасКор. 20 дек. URL: <http://www.chaskor.ru> (дата обращения: 29.12.2018).

¹³ Там же.

¹⁴ См., напр.: Айгистов Р.А. Библиотека и общество: вызовы современности. 2016. Библиография. № 1. С. 3—21; Игумнова Н.П. Есть ли у библиотек будущее?. 2017. Библиосфера. № 1. С. 11—16; Сокольская Л.В., Руссак З.В. Современная библиотека: утрата идентичности или приобретение новых социальных смыслов?. 2015. Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. № 1 (41). С. 21—29.

¹⁵ Цит. по: Гусева Е.Н. Законодательное обеспечение государственной культурной политики в библиотечной отрасли: новеллы 2016 года, тенденции 2017 года. 2018. Науч. и техн. б-ки. № 1. С. 16—17.

¹⁶ URL: План мероприятий («дорожная карта») по перспективному развитию общедоступных библиотек. http://mkrf.ru/ministerstvo/departament/list.php?SECTION_ID=175153 (дата обращения: 09.10.2018).

Как справедливо отмечает А.В. Минбалеев, анализ ряда стратегических документов, направленных на развитие информационного общества в России, свидетельствует о необходимости обеспечения сохранения библиотечной информации в традиционных библиотеках в условиях перехода к цифровому обществу. Основной задачей современного библиотечного законодательства должно стать не только обеспечение перевода в цифровую форму библиотечной информации, но и нахождения оптимальных форм существования и развития как традиционных, так и электронных библиотек. В то же время в условиях перехода к цифровому обществу принципиально важно закрепить в законодательстве принцип максимальной открытости, достоверности и доступности библиотечной информации¹⁷.

Соблюдение этих условий позволит библиотеке стать эффективным средством реализации положений «Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017—2030 гг.», направленной на построение в России общества знаний, и доказать обществу свое право на существование в новой информационной среде как одного из гарантов реализации права на информацию.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Айгистов Р.А. Библиотека и общество: вызовы современности. 2016. Библиография. № 1. С. 3—21.
2. Годованный А.В. Информационное право: учеб. пособие. 2010. Новосибирск: Изд-во СибАГС. 248 с.
3. Гусева Е.Н. Законодательное обеспечение государственной культурной политики в библиотечной отрасли: новеллы 2016 года, тенденции 2017 года. 2018. Науч. и техн. б-ки. № 1. С. 16—17.
4. Зайцев В.Н. Информатизация как инструмент формирования гражданского общества. 2005. Библиотековедение. № 1. С. 25—29.
5. Игумнова Н.П. Есть ли у библиотек будущее?. 2017. Библиосфера. № 1. С. 11—16.
6. Минбалеев А.В., Пашнина Т.В. Правовое регулирование оборота библиотечной информации. 2017. Вестник ЮУрГУ. Сер. «Право». № 4. С. 89—95. DOI: 10.14529/law170417
7. Рязанова Д. «Задача традиционных библиотек — достойно встретить старость»: интервью с М. Мошковым. 2018. ЧасКор. 20 дек. URL: <http://www.chaskor.ru> (дата обращения: 29.12.2018).
8. Сокольская Л.В., Руссак З.В. Современная библиотека: утрата идентичности или приобретение новых социальных смыслов?. 2015. Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. № 1 (41). С. 21—29.
9. Терещенко Л.К. Правовой режим информации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М. 2011. 22 с.
10. Фирсов В.Р. Регулирование деятельности библиотек на основе законодательства в области библиотечного дела: дис. ... д-ра пед. наук. 2000. СПб. 362 с.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Aigistov R. A. Biblioteka i obshchestvo: vyzovy sovremennosti [The Library and the Society: challenges of our time]. 2016. *Bibliografiia [Bibliography]*. No. 1. P. 3—21. (In Russian).
2. Godovannyi A. V. Informatsionnoe pravo [Information Law]. 2010. Novosibirsk, SibAGS Publishing House. 248 p. (In Russian).
3. Guseva E. N. Zakonodatelnoe obespechenie gosudarstvennoi kulturnoi politiki v bibliotechnoi otrasli: novelly 2016 goda, tendentsii 2017 goda [Legislative support of the state cultural policy in the library industry: novels of 2016, trends of 2017]. 2018. *Nauch. i tekhn. b-ki [Scientific and Technical Libraries]*. No. 1. P. 16—17. (In Russian).

¹⁷ Минбалеев А.В., Пашнина Т.В. Правовое регулирование оборота библиотечной информации. 2017. Вестник ЮУрГУ. Сер. «Право». № 4. С. 93.

4. Zaitsev V. N. Informatizatsiia kak instrument formirovaniia grazhdanskogo obshchestva [Informatization as a tool of civil society formation]. 2005. *Bibliotekovedenie [The Library Science]*. No. 1. P. 25—29. (In Russian).
5. Igumnova N. P. *Est li u bibliotek budushchee?* [Do libraries have a future?]. 2017. *Bibliosfera [Bibliosphere]*. No. 1. P. 11—16. (In Russian).
6. Minbaleev A. V., Pashnina T. V. Pravovoe regulirovanie oborota bibliotechnoi informatsii [Legal regulation of circulation of library information]. 2017. *Vestnik IuUrGU. Ser. «Pravo» [Bulletin of The SUSU. «Law» Series]*. No. 2. 4. P. 89—95. DOI: 10.14529/law170417 (In Russian).
7. Ryazanova D. «Zadacha traditsionnykh Bibliotek — dostoino vstretit starost»: Interviu s M. Moshkovym [«The task of traditional libraries is to meet thier old age with dignity»: an interview with M. Moshkov]. 2018. *ChasKor*. 20 December. Available at: <http://www.chaskor.ru> (Accessed: 29.12.2018).
8. Sokolskaya L. V., Russak Z. V. Sovremennaya biblioteka: utrata identichnosti ili priobretenie novykh sotsialnykh smyslov? [Modern Library: the Loss of Identity or Acquisition of New Social Meanings?]. 2015. *Vestnik Cheliabinsk gosudarstvennoi akademii kultury i iskusstv [Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts]*. No. 1 (41). P. 21—29. (In Russian).
9. Tereshchenko L. K. Pravovoi rezhim informatsii: avtoref. dis.... dokt. iurid. nauk [The legal regime of information: abstract of Dr. Diss.]. 2011. Moscow. 22 p. (In Russian).
10. Firsov V. R. Regulirovanie deiatelnosti bibliotek na osnove zakonodatelstva v oblasti bibliotechnogo dela: dis.... dokt. ped. nauk [Regulation of libraries on the basis of legislation in the field of librarianship: Dr. Diss.]. 2000. St. Petersburg. 362 p. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 19.01.2019.

ЭВОЛЮЦИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА ОБ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ВОЗБУЖДЕНИЕ НЕНАВИСТИ, УНИЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДОСТОИНСТВА: О НОВОЙ РЕДАКЦИИ ЗАКОНА

Суспицына Татьяна Петровна¹ — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9
1954ts@mail.ru

Tatiana P. Suspitsyna² — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9
1954ts@mail.ru

© Т.П. Суспицына, 2019

Аннотация. В статье анализируются изменения, которые были внесены в ст. 282 УК РФ Федеральным законом № 519 от 27 декабря 2018 г. с точки зрения их обоснованности и достаточности. Речь идет, в частности, об установлении административной преюдиции в отношении деяний, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства. Критической оценке подвергнут точечный подход законодателя к совершенствованию нормы. В статье обосновывается актуальность предложений о необходимости ее «реставрации» путем исключения из нее упоминания о принадлежности жертвы преступления к какой-либо социальной группе; дифференциации ответственности в зависимости от способа совершения преступления и др.

Ключевые слова: преступления экстремистской направленности, противодействие, уголовная ответственность, административная преюдиция, социальная группа, публичность.

THE EVOLUTION OF THE CRIMINAL LEGISLATION REGARDING RESPONSIBILITY FOR INCITEMENT TO HATRED, HUMILIATION OF HUMAN DIGNITY: A NEW VERSION OF THE LAW

Abstract. The article analyzes amendments made to Article 282 of the Criminal Code in compliance with Federal Law No. 519 of 27 December 2018 in terms of their validity and sufficiency. This concerns, in particular, the establishment of administrative

¹ Автор выражает глубокую признательность СПС «КонсультантПлюс» за информационную поддержку.

² The author expresses deep gratitude to ATP «ConsultantPlus» for the information support.

prejudice against acts aimed at inciting hatred or enmity, as well as humiliation of human dignity. A narrowly defined approach of the law-maker to the improvement of the norm is subjected to a critical assessment. The article substantiates the relevance of the proposals regarding its «restoration» by excluding the mention of the victim of a crime belonging to any social group from the current legislation and by differentiation of responsibility depending on the method of committing a crime, etc.

Keywords: *extremist crimes, counteraction, criminal liability, administrative prejudice, social group, publicity.*

DOI: 10.17803/2542-2472.2019.9.1.039-046

Противодействие экстремизму относится к одному из приоритетных направлений современной уголовной политики России. Правовые основы ее реализации закреплены Федеральным законом от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»³. В Уголовном кодексе Российской Федерации (далее — УК) предусмотрена ответственность за совершение преступлений экстремистской направленности⁴. К таковым, наряду с другими преступными деяниями, отнесено возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, запрещенное статьей 282 УК (далее — статья) (см. ст. 1 ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности»). Диспозиция ч. 1 статьи в первоначальной редакции устанавливала ответственность за действия, направленные на возбуждение национальной, расовой или религиозной вражды, унижение национального достоинства, а равно пропаганда исключительности, превосходства либо неполноценности граждан по признаку их отношения к религии, национальной или расовой принадлежности, если эти деяния совершены публично или с использованием средств массовой информации (СМИ). Содержавшаяся в ч. 2 статьи норма запрещала те же деяния, совершенные: а) с применением насилия или с угрозой его применения; б) лицом с использованием своего служебного положения; в) организованной группой.

В 2003 г. в название и содержание статьи были внесены изменения⁵. В конструкции состава преступления появился термин «ненависть» (наряду с термином «вражда»). Кроме того, были расширены основания совершения действий, направленных на унижение достоинства человека. Таковыми в были названы также пол, язык, происхождение, принадлежность к какой-либо социальной группе (было — отношение к религии, национальная или расовая принадлежность). Конкретизирован также круг потерпевших путем указания на то, что ими могут стать как индивид, так и группа лиц. Из диспозиции нормы было исключено указание на деяние в виде пропаганды исключительности, превосходства либо неполноценности граждан. Позже состав был дополнен указанием на альтернативный способ совершения запрещенных уголовным законом деяний — использование информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет⁶. Внесенные в состав преступления

³ Собрание законодательства РФ. 29.07.2002. № 30. Ст. 3031.

⁴ В соответствии с пунктом 2 Примечаний к ст. 282¹ УК под преступлениями экстремистской направленности понимаются преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы, предусмотренные соответствующими статьями Особенной части и пунктом «е» части первой ст. 63 настоящего Кодекса.

⁵ Федеральный закон № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» (08.12.2003). 2003. Собрание законодательства РФ. № 50. Ст. 4848.

⁶ Федеральный закон № 179-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (28.06.2014). 2014. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 17.01.2019).

поправки свидетельствуют о стремлении законодателя к совершенствованию норм, направленных на противодействие проявлениям экстремизма в России. Вместе с тем, настораживает точечный характер его реализации, отсутствие системного подхода к решению назревшей проблемы. Очередные изменения, постигшие обозначенную норму были обусловлены достаточно острой дискуссией, которая развернулась вокруг нее в последние годы, как среди ученых, так представителей общественности. Она коснулась не только отдельных положений закона, но и целесообразности его сохранения в действующей редакции. Всплеск отрицательных эмоций по поводу этой нормы обусловлен, во многом, ростом количества лиц, привлеченных к уголовной ответственности за предусмотренные в ней деяния. В 2018 г. число уголовных дел по этой статье возросло до 500⁷. При этом среди материалов, признанных судебными органами экстремистскими, основное место занимали репосты и лайки в социальных сетях⁸. В Государственную Думу с просьбой изучить вопрос и амнистировать осужденных, в том числе за лайки, репосты или публикацию изображений, если такие действия не имели общественно опасных последствий, обратилась Mail.Ru Group, владеющая соцсетями «Одноклассники» и «ВКонтакте»⁹. О необходимости изменения сложившейся ситуации с противодействием экстремизму, в целом, и совершенствованию ст. 282 УК, в частности, заявлял и Совет при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека (далее — СПЧ). Его рекомендации, в том числе направленные на совершенствование анализируемой нормы, были опубликованы и доведены до главы государства¹⁰. Минимизировать проблемы, связанные с зачастую необоснованным привлечением к уголовной ответственности по ст. 282 УК, призваны дополнительные рекомендации судам, сформулированные и внесенные Пленумом Верховного Суда Российской Федерации в известное постановление от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности»¹¹. Внимание судов обращено, в частности на то, что при правовой оценке указанных действий необходимо учитывать положения ч. 2 ст. 14 УК о правовых последствиях признания содеянного малозначительным. При решении вопроса о том, является ли деяние таковым, рекомендовано учитывать размер и состав аудитории, которой соответствующая информация была доступна, количество ее просмотров, влияние размещенной информации на поведение лиц, составляющих данную аудиторию (п. 8.1 постановления). Основанием для возбуждения уголовного дела рекомендовано считать наличие достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Верховный Суд РФ указал на необходимость учитывать не только факт размещения изображения, аудио- или видеофайла, содержащего признаки состава преступления, в сети «Интернет» или иной информационно-телекоммуникационной сети, но и иные сведения, указывающие на общественную опасность деяния, мотив его совершения (п. 2.1 постановления). Верховный Суд РФ, таким образом, призывал более осторожно относиться к подобного рода деяниям, связанным с крайне чувствительной сферой общественных отношений, не допускать

⁷ Пояснительная записка к законопроекту Президента РФ URL: <https://rg.ru/2018/10/03/proekt-kodeks-site-dok.html> (дата обращения: 17.01.2019).

⁸ Репост (repost) представляет собой акт копирования записи к себе на страницу в социальной сети, а также сама скопированная запись или новость; лайк (like) — отметку «мне нравится», относящуюся к какой-либо публикации в какой-либо социальной сети.

⁹ URL: <https://tjournal.ru/law/75077-mail-ru-group-obratilas-v-gosdumu-s-prosboy-vnes-ti-zakonoproekt-o-dekriminalizacii-repostov-i-amnistii-osuzhdennyh> (дата обращения: 27.12.2018).

¹⁰ См.: Рекомендации СПЧ по совершенствованию законодательства о противодействии экстремизму и практики его применения. URL: <http://www.president-sovet.ru/presscenter/news/read/4875/> (дата обращения: 27.12.2018).

¹¹ Постановление ПВС РФ № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации (20.09.2018). 2018. Российская газета. № 215.

привлечение к уголовной ответственности за деяния, которые не несут должного заряда общественной опасности, требующей уголовно-правовой реакции. Понятно, что эти рекомендации имеют важное значение, однако, они остаются актами толкования и потому не способны радикально изменить подход правоприменителя к оценке сложившейся ситуации.

Закономерным ответом на многочисленные критические замечания действующей нормы и практики ее применения стал законопроект Президента РФ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации»¹². Суть этих изменений свелась фактически к частичной декриминализации обозначенного преступления: уголовная ответственность за действия, предусмотренные ч. 1 ст. 282 УК в соответствии с законопроектом должна наступать только после привлечения лица к административной ответственности за аналогичные деяния в течение одного года. Те же деяния, совершенные: а) с применением насилия или с угрозой его применения; б) лицом с использованием своего служебного положения; в) организованной группой, не предполагают административной преюдиции. Из Пояснительной записки к законопроекту следует, что изменения направлены не только на гуманизацию уголовного законодательства, но и на исключение случаев необоснованного привлечения к уголовной ответственности за деяния, совершенные однократно и не представляющие серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства¹³.

Принятый 19 декабря Государственной Думой, одобренный Советом Федерации 21 декабря и подписанный Президентом России 27 декабря 2018 г. ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации», вступил в силу 7 января 2019 г.¹⁴ 8 января 2019 г. вступил в силу также ФЗ от 27 декабря 2018 г. «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» № 521-ФЗ, который дополнил Кодекс статьей 20.3.1, установившей административную ответственность за те же деяния, не содержащие признаки состава уголовно наказуемого деяния¹⁵.

Таким образом, можно констатировать, что отдельные предложения, исходящие от ученых и общественности, законодателем учтены. Речь идет, в частности, о закреплении в законе запрета привлекать к ответственности за перечисленные в ч. 2 ст. 282 УК деяния, не получившие первоначально соответствующей административно-правовой реакции.

Для привлечения к уголовной ответственности по части второй ст. 282 УК достаточно совершения этих деяний. На них административная преюдиция не распространяется.

Внесение поправок в ст. 282 УК стало продолжением законодательной практики по введению в уголовное законодательство составов преступлений с административной преюдицией. Напомним, что уголовный закон в первоначальной редакции не содержал таких составов преступлений. Авторы УК в 1996 г. отказались от нее, как нарушающей, по их мнению, конституционный принцип о недопустимости повторного привлечения к уголовной ответственности за одно и то же деяние (ст. 50 Конституции РФ). Однако позже законодатель вернулся к ней, установив в ряде составов преступлений административную преюдицию (см., например, ст. 116¹, 158¹, 212¹, 264¹ УК). Несмотря на то что Конституционный Суд РФ признал созда-

¹² URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/> (дата обращения: 03.10.2018).

¹³ Необходимо заметить, что созвучные законопроекты ранее поступали от депутатов Государственной думы от фракций ЛДПР и КПрФ. С аналогичным предложением к Президенту РФ обращался депутат ГД С. Шаргунов, а позже совместно с А. Журавлевым он внес в Государственную Думу соответствующий законопроект о декриминализации преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 282 УК.

¹⁴ См.: Федеральный закон № 519-ФЗ «О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации» (27.12.2018). URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения: 27.12.2018).

¹⁵ URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.12.2018).

ние и введение в уголовный закон таких составов соответствующим Конституции России¹⁶, споры вокруг этого вопроса не утихли. Позицию Конституционного Суда поддержали не все ученые¹⁷. Дискуссии по поводу допустимости такой практики, в том числе применительно к анализируемой статье, думается, будут продолжены. Не погружаясь в содержание этих споров, заметим, что позиция сторонников введения административной преюдиции представляется нам убедительной: действительно, уровень общественной опасности содеянного определяется не только причиненным вредом, а набором всех присущих этому деянию признаков, включая и характер самого действия (бездействия), и вред, и форму вины, и мотив, цель, и признаки субъекта. Трудно не согласиться с образным выражением А.В. Иванчина, который, отстаивая свою позицию, резюмировал: «...Не споря с упомянутым крылатым выражением Н.Ф. Кузнецовой о том, что «сто кошек не могут образовать тигра», отметим, что юридическая цена (в данном случае в виде ответственности) этих «ста кошек» может быть равной цене одного тигра»¹⁸. Надеемся, что практика применения нормы покажет, насколько верным было принятое законодателем решение в этой части.

К сожалению, не все предложения специалистов, направленные на совершенствование нормы, были услышаны и изучены законодателем. В их числе предложение, например исключить из диспозиции нормы указание на разновидность действий, именуемых унижением достоинства человека или группы лиц. Они могут выразиться в том числе в оскорблении человека по признакам его пола и т. д.¹⁹ Оно, по мнению некоторых специалистов, на практике сопоставимо с оскорблением, которое является административным правонарушением, а не уголовным преступлением.

И ученые, и представители общественности единодушны в сомнениях относительно целесообразности сохранения в норме упоминания о принадлежности жертвы преступления к какой-либо социальной группе. В законе (в том числе в новой редакции) не раскрывается содержание термина «социальная группа». Пленум ВС РФ тоже не определился в позиции по данному вопросу. Использование законодателем при формулировании нормы союза «а равно» дает основание утверждать, что здесь речь идет о других группах, характеризующихся иными признаками, нежели пол, раса, национальность, язык, происхождение, отношение к религии. Социологи определяют ее как любую объективно существующую устойчивую совокупность людей, связанных системой отношений, регулируемых формальными или неформальными социальными институтами. Каждый человек в течение своей жизни принадлежит к множеству различных групп: семье, дружескому коллективу, студенческой группе, нации. Это — семья, дружеский коллектив, студенческая группа, нация и т.д. Кстати, общество — тоже социальная группа, справедливо замечает А.А. Кунашев²⁰. Исследование практики применения нормы показывает, что подход судов к пониманию социальной группы тоже неоднозначен. К таковым относят, например, лиц, ведущих асоциальный образ жизни, принадлежащих к движению «Антифа», являющихся иммигрантами, ветеранов Великой Отечественной

¹⁶ Постановление Конституционного Суда РФ № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» (10.02.2017). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.02.2017).

¹⁷ Об аргументах «за» и «против» см. подробнее, например: Иванчин А.В. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П). 2017. Уголовное право. № 4. С. 50—53.

¹⁸ См.: Там же. С. 5.

¹⁹ Рарог А.И. (ред.). Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 12-е изд., перераб. и доп. 2019. М.: Проспект. С. 726.

²⁰ Кунашев А.А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дисс.... канд. юрид. наук. 2012. М. С. 11.

войны, должностных лиц, профессиональных политиков²¹. Выход из сложившегося положения предлагается путем выработки критерия уязвимости группы, которой адресуется то или иное деяние экстремистского характера. Руководствуясь им, автор этого предложения признает сотрудников полиции УМВД социальной группой²², но выражает обоснованное сомнение по поводу ее уязвимости и, как следствие, возможности привлечения к уголовной ответственности за деяние экстремистского характера по признаку принадлежности потерпевшего к социальной группе...²³ Попытка исправить ситуацию путем законодательного определения понятия социальной группы²⁴ была подвергнута, на наш взгляд, справедливой, обоснованной критике. Во избежание судебных ошибок в этой части представляется заслуживающим поддержки законодателя предложение исключить из состава преступления указание на принадлежность к какой-либо социальной группе по причине его размытости и неопределенности и в силу этого, способного привести к серьезным судебным ошибкам.

В литературе аргументируется, на наш взгляд, убедительно также мнение, согласно которому перечень перечисленных в диспозиции нормы признаков состава преступления является вообще избыточным, некоторые из них дублируют друг друга. Законодателю сто́ит обратить внимание на предложение «отредактировать» диспозицию нормы путем сохранения указания в ней на национальность, расу и отношение к религии. Все остальные признаки представляются малореальными основаниями для возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства²⁵.

Из содержания диспозиции нормы следует, что перечисленные в ней деяния должны быть совершены публично. Публичность следует понимать как совершение вышеуказанных действий устно (например, на собрании, митинге, демонстрации пикетировании и т. д.), или письменно (например, массовая рассылка смс-сообщений). Это может быть распространение листовок, плакатов. Публичность означает, что их адресатом являются другие лица (определенный или неопределенный круг), до которых доводятся соответствующая информация, материалы. Верховный Суд РФ в упомянутом постановлении не выработал четких критериев публичности, не пояснил, сколько человек должны прочесть или ознакомиться с высказыванием, чтобы оно считалось распространенным публично. Их отсутствие может привести также к разночтениям на уровне применения закона, необоснованному привлечению к уголовной ответственности.

Использование СМИ, информационно- телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», следует признать наиболее опасной формой проявления

²¹ Борисов С. В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. 2015. М.: Юриспруденция. С. 159.

²² Социальной группой, например, были признаны сотрудники правоохранительных органов по делу Ч. в отношении которого было возбуждено уголовное дело на том основании, что он опубликовал в социальной сети фотографии с надписями на английском языке, которые в переводе на русский язык означают «характеристику социальной группы «сотрудники правоохранительных органов» в нецензурной форме». URL: https://tvrain.ru/news/ekstremizm_iz_zh_zh_footkartinok-472568/?utm_campaign=pro-tiv-zhitelya-novgorodskoy-oblasti-vozbuzhdeno-ugolovnoe-del-o-17-01-2019 (дата обращения: 17.01.2019).

²³ Агальцова М.В. Ограничение свободы слова в интересах общественной безопасности и защиты репутации или прав других лиц. (Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights). В Агальцова М.В., Афанасьев Д.В., Баглаева Е.Е. и др. Имплементация Конвенции по правам человека в национальное право. 2017. М.: Статут. Вып. 3. СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Леньшин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: автореф дис. ... канд. юрид наук. 2011. М. С. 8.

²⁵ Борисов С.В., Жеребченко А.В. Указ. соч. С. 170—171.

публичности. Подавляющее большинство преступлений (90 %) совершаются с использованием Интернета. Подчеркивая опасность данного способа деяния, законодатель обоснованно указал его во многих составах в качествеотягчающего ответственность обстоятельства (см., например, п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2, ст. 128.1, ч. 2 ст. 354.1 УК). Аналогичным, на наш взгляд, должен быть подход к анализируемому составу преступления при его дальнейшем реформировании. Руководствуясь системным подходом к совершенствованию законодательства, следовало бы, на наш взгляд, дифференцировать ответственность, предусмотрев более строгие санкции за совершение преступления с использованием Интернета.

В случае совершения анализируемого преступления организованной группой ответственность в настоящее время наступает по п. «в» ч. 2 ст. 282 УК, что следует признать верным. Вместе с тем, другая форма — соучастие — совершение преступления группой лиц, группой лиц по предварительному сговору не отнесено сегодня (в том числе в новой редакции закона) к числу квалифицирующих признаков, несмотря на повышенную опасность такого рода деяний. Предложение закрепить это обстоятельство в качестве квалифицирующего признака состава преступления, заслуживает поддержки. Но в этом случае совершение преступления организованной группой следует признать особо отягчающим обстоятельством и закрепить его в ч. 3 ст. 282 УК.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что изменения, внесенные законодателем в ст. 282 УК, не исчерпывают всех вопросов, требующих внимания законодателя. Без должного внимания остались отдельные признаки состава преступления (унижение достоинства человека, социальная группа, публичность). В их числе также дальнейшая дифференциация ответственности в зависимости от способа совершения преступления, формы соучастия.

Не вызывает сомнений тот факт, что столь «спешные» поправки в ст. 282 УК стали вынужденной реакцией на возникшее напряжение в обществе, обусловленное резким увеличением количества лиц, необоснованно привлеченных к уголовной ответственности. Снять его с помощью законодательных новелл, возможно, удастся, но проблема качества уголовного закона остается. Новый закон вполне вписывается в справедливое, на наш взгляд утверждение, что факты неоднократного возвращения законодателя к одним и тем же нормам с целью их изменения и совершенствования свидетельствуют о содержательных дефектах депутатского творчества, об отсутствии изначально глубокой, всесторонней проработки принимаемых проектов²⁶. Трудно, к сожалению, не согласиться с этим утверждением.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Агальцова М.В. Ограничение свободы слова в интересах общественной безопасности и защиты репутации или прав других лиц. (Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights)). В Агальцова М.В., Афанасьев Д.В., Баглаева Е.Е. и др. Имплементация Конвенции по правам человека в национальное право. 2017. М.: Статут. Вып. 3. СПС «КонсультантПлюс».
2. Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности. 2015. М.: Юриспруденция. 264 с.
3. Иванчин А.В. О пользе разумного использования административной преюдиции в уголовном праве (в связи с постановлением Конституционного Суда РФ от 10 февраля 2017 г. № 2-П). 2017. Уголовное право. № 4. С. 50—53.
4. Рарог А.И. (ред.). Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 12-е изд., перераб. и доп. 2019. М.: Проспект. 944 с.
5. Кунашев А.А. Мотивы ненависти или вражды в уголовном праве России: автореф. дисс.... канд. юрид. наук. 2012. М. 27 с.

²⁶ Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной пролитики. 2014. М.: Проспект. С. 140.

6. Леншин Д.И. Преступления экстремистской направленности по уголовному праву Российской Федерации: автореф дис. ... канд. юрид наук. 2011. М. 24 с.
7. Бабаев М.М., Пудовочкин Ю.Е. Проблемы российской уголовной пролитики. 2014. М.: Проспект. 296 с.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Agaltsova M.V. Ogranicheniye svobody slova v interesakh obshchestvennoy bezopasnosti i zashchity reputation ili prav drugikh lits [Restriction of freedom of speech in the interests of public safety and protection of the reputation or rights of others]. *Rossysky ezhegodnik Yevropeyskoy konventsii po pravam cheloveka [Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights]*. In Agaltsova M. V., Afanasyev D. V., Baglayeva Ye.E. et al. Implementatsiya Konventsii po pravam cheloveka v natsionalnoe pravo [Implementation of the Convention on Human Rights into national law]. 2017. Moscow: Statut Publ., Issue 3. SPS «Konsultantplus». (In Russian).
2. Borisov S. V., Zherebchenko A. V. Vozbuzhdeniye nenavisti, vrazhdy, unizheniye chelovecheskogo dostoinstva: problem ustanovleniya i realizatsii ugovnoy otvetstvennosti [Incitement of hatred, hostility, humiliation of human dignity: problems of establishing and implementing criminal responsibility]. 2015. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 264 p. (In Russian).
3. Ivanchin A. V. O polze razumnogo ispolzovaniya administrativnoy preuditii v ugovnom prave (v svyazi s Postanovleniyem Konstitutsionnogo Suda RF ot 10 fevralya 2017 g. № 2-P) [On the benefits of the rational use of administrative prejudice in criminal law (in connection with the Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 10, 2017, № 2-P)]. 2017. *Ugolovnoye parvo [Criminal Law]*. No. 2. 4. P. 50—53. (In Russian).
4. Rarog A. I. (ed.). Kommentary k Ugolovnomu kodeksu Rossyskoy Federatii (postateyny) [Annotated Commentary to the Criminal Code of the Russian Federation]. 2018. Moscow: Prospekt Publ., 12th ed. 944 p. (In Russian).
5. Kunashev A. A. Motivy nenavisti ili vrazhdy v ugovnom prave Rosii: avtoref. diss.... kand. jurid. nauk [Motives of hatred or enmity in the criminal law of Russia: Abstract of the PhD Thesis]. 2012. Moscow. 27 p. (In Russian).
6. Lenshin D. I. Prestupleniya ekstremistskoy napravlenosti po ugovnomu pravu Rossyskoy Federatii: avtoref. diss.... kand. jurid. nauk [Extremist crimes under the criminal law of the Russian Federation: Abstract of the PhD Thesis]. 2011. Moscow. 24 p. (In Russian).
7. Babayev M. M., Pudovochkin Yu.E. Problemy rossyskoy ugovnoy politiki. 2014. Moscow: Prospekt Publ., 296 p. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 21.01.2019.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ СТАНДАРТЫ ЗАЩИТЫ ПРАВА НА УВАЖЕНИЕ ЧАСТНОЙ И СЕМЕЙНОЙ ЖИЗНИ¹

Фомина Лилия Юрьевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный университет правосудия»

117418, Россия, г. Москва, ул. Новочерёмушкинская, д. 69
fominalilja@mail.ru

Liliya Yu. Fomina — PhD in Law, Associate Professor of the Department of Organization of Judicial and Law Enforcement Activities of the Russian State University of Justice
 117418, Russia, Moscow, ul. Novocheremushkinskaya, d. 69
fominalilja@mail.ru

© Л.Ю. Фомина, 2019

Аннотация. В статье рассматриваются международные стандарты защиты права на уважение частной и семейной жизни в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г. и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Проанализировано понимание частной и семейной жизни в практике Комитета по правам человека и Европейского Суда по правам человека в соответствии с указанными международными актами. Сделан вывод о широкой трактовке понятия частной и семейной жизни данными органами, включающей различные аспекты обеспечения неприкосновенности лица, конфиденциальности, выражения им своей идентичности, защиты семейных связей, возникающих не только в связи со вступлением в зарегистрированный брак. Рассмотрены допустимые основания вмешательства государства в право на уважение частной и семейной жизни. Сделаны выводы о допустимости вмешательства, которое не является произвольным или незаконным либо осуществлено на основании закона, преследует правомерные цели, является необходимым в демократическом обществе. Акцентировано внимание на обязанности государств не только самим воздерживаться от вмешательства в частную и семейную жизнь, но и не допускать подобные действия со стороны физических или юридических лиц.

Ключевые слова: частная жизнь, семейная жизнь, право на уважение частной и семейной жизни, международные стандарты защиты прав человека.

INTERNATIONAL STANDARDS FOR THE PROTECTION OF THE RIGHT TO RESPECT FOR PRIVATE AND FAMILY LIFE²

Abstract. The article considers international standards of protection of the right to respect for private and family life in compliance with the International Covenant on

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-01080.

² The study was performed with financial support of the RFBR, research project No. 18-011-01080.

Civil and Political Rights of 1966 and the Convention for the Protection of Human Rights and Fundamental Freedoms of 1950. The article analyzes the understanding of private and family life in jurisprudence of the Human Rights Committee and the European Court of Human Rights in accordance with these international instruments. The conclusion is made about the broad interpretation of the concept of private and family life by these agencies, including various aspects of ensuring the inviolability of the person, confidentiality, expression of identity, protection of family connections arising not only in connection with concluding a registered marriage. The author considers permissible grounds for the state interference into the right to respect for private and family life. Conclusions are drawn that non-arbitrary and legitimate interference carried out on the basis of the law and pursuing legitimate goals should be permitted and it is even necessary in a democratic society. Attention is focused on the obligation of States not only to refrain from interfering in private and family life, but also to prevent such actions committed by individuals or legal entities.

Keywords: private life, family life, right to respect for private and family life, international human rights standards.

DOI: 10.17803/2542-2472.2019.9.1.047-052

В настоящее время охрана личной и семейной жизни от вмешательства в нее гарантируется международными актами как на универсальном³, так и на региональном уровнях⁴. Соответствующие нормы конкретизируются в актах Генеральной Ассамблеи ООН⁵, в практике конвенционных и иных органов, действующих в сфере защиты прав человека на различных уровнях.

В этой связи интерес представляют стандарты защиты права на уважение частной и семейной жизни, сложившиеся в практике Комитета по правам человека (далее также — Комитет) и Европейского Суда по правам человека (далее также — ЕСПЧ, Европейский Суд) в связи с применением ст. 17 Международного пакта о гражданских и политических правах (далее также — Пакт) и ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (далее также — Конвенция, ЕКПЧ) соответственно.

Следует отметить, что понятие частной и семейной жизни трактуется указанными органами достаточно широко.

По мнению Комитета, личная жизнь «относится к сфере жизни лица, в которой он или она может свободно выражать свою идентичность, будь то путем установления взаимоотношений с другими или самостоятельно»⁶.

³ См., напр.: Всеобщая декларация прав человека (1948). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr (дата обращения: 26.11.2018); Международный пакт о гражданских и политических правах (1966). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 26.11.2018). Конвенция о правах ребенка (1989). СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См., напр.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (1950). СПС «КонсультантПлюс». Конвенция Совета Европы о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (1981). СПС «КонсультантПлюс»; Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (1997). СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 45/95 «Руководящие принципы регламентации компьютеризированных картотек, содержащих данные личного характера» (14.12.1990). URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/computerized_data.shtml (дата обращения: 26.11.2018); Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН № 71/199 «Право на неприкосновенность частной жизни в цифровую эпоху» (19.12.2016). URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/71/199> (дата обращения: 26.11.2018).

⁶ Дело «А.Р. Кориел и М.А.Р. Орик (A.R. Coeriel and M.A.R. Aurik) против Нидерландов» (сообщение № 453/1991), Сообщения Комитета по правам человека (31.10.1994), п. 10.2. Available at: <http://juris.ohchr.org> (Accessed 26.11.2018).

Трактовка понятия «семья» зависит от его понимания в государстве-участнике Пакта и может охватывать «всех тех, кто входит в состав семьи, как она понимается в обществе соответствующего государства-участника»⁷. В Замечаниях общего порядка № 19 данное положение подтверждено Комитетом применительно к ст. 23 Пакта. Комитет отметил, что «понятие семьи в определенных аспектах может отличаться в различных государствах и даже в разных районах одного государства, в связи с чем не представляется возможным дать стандартное определение этому понятию»⁸. Следовательно, в каждом конкретном случае понятие семьи будет трактоваться с учетом соответствующего правового регулирования и сложившейся практики.

Например, в понятие личной и семейной жизни Комитетом включались сведения о гендерной идентичности⁹, о ДНК-материалах, собранных для целей анализа и хранения в базе данных, которая может быть использована в будущем в целях уголовного расследования¹⁰, имя лица и право лица выбирать и изменять собственное имя¹¹, отношения между родителем и ребенком¹².

В трактовке ЕСПЧ частная жизнь предполагает три возможных элемента: а) физическую, психологическую или моральную неприкосновенность (защиту человека от принудительного лечения и принудительных медицинских процедур, соблюдение репродуктивных прав, прав лиц, страдающих психическими заболеваниями, инвалидов, обеспечение прав в области экологии и др.); б) прайвеси (privacy) (права на изображение и фотографии, их опубликование, репутацию, защиту данных лица, доступ к персональным данным и др.); в) идентичность (права на личностное развитие и личную автономию, получение информации о своём происхождении, конфиденциальность сведений о религиозных и философских убеждениях лица, внешний вид лица, право на имя и документы, удостоверяющие личность и др.)¹³.

Семейная жизнь в трактовке Европейского Суда является автономным понятием и имеет весьма широкое содержание, включая как аспекты, касающиеся пар, в том числе не состоящих в зарегистрированном браке, однополых пар, так и вопросы, относящиеся к родителям и детям (право на общение, отношения между усыновителями и усыновленными и др.), а также иные семейные связи (между братьями и сестрами, дедушками, бабушками и внуками и др.), вопросы иммиграции и высылки (например, депортации), материальные интересы, включая наследование¹⁴. По мнению ЕСПЧ, существование или отсутствие семейной жизни является по существу

⁷ Замечание общего порядка № 16 — Статья 17 (право на личную жизнь) (1988), п. 5. Available at: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fGEC%2f6624&Lang=ru (Accessed 26.11.2018).

⁸ Замечание общего порядка № 19 — Статья 23 (семья) (1990), п. 2. Available at: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fGEC%2f6620&Lang=ru (Accessed 26.11.2018).

⁹ Дело «Г. против Австралии» (сообщение № 2172/2012), Соображения Комитета по правам человека (17.03.2017). Available at: <http://juris.ohchr.org> (Accessed 26.11.2018).

¹⁰ Дело «Н.К. против Нидерландов» (сообщение № 2326/2013), Соображения Комитета по правам человека (18.07.2017). Available at: <http://juris.ohchr.org> (Accessed 26.11.2018).

¹¹ Дело «Райхман (Leonid Raihman (also known as Leonîds Raihmans)) против Латвии» (сообщение № 1621/2007), Соображения Комитета по правам человека (28.10.2010), п. 8.2. Available at: <http://juris.ohchr.org> (Accessed 26.11.2018); Дело «А.Р. Кориел и М.А.Р. Орик (A.R. Coeriel and M.A.R. Aurik) против Нидерландов» (сообщение № 453/1991), Соображения Комитета по правам человека (31.10.1994). Available at: <http://juris.ohchr.org> (Accessed 26.11.2018).

¹² Дело «Z. против Австралии» (сообщение № 2279/2213), Соображения Комитета по правам человека (05.11.2015), п. 7.2. Available at: <http://juris.ohchr.org> (Accessed 26.11.2018).

¹³ Guide on Article 8 of the European Convention on Human Rights, Para. 58—209. Available at: https://www.echr.coe.int/Documents/Guide_Art_8_ENG.pdf (Accessed 26.11.2018).

¹⁴ Ibid. Paras 219—305.

вопросом факта, зависящим от реального существования в жизни близких личных связей¹⁵.

Если в каком-либо случае невозможно говорить о наличии семейной жизни, то в контексте ст. 8 Конвенции ЕСПЧ может предоставить защиту частной жизни определённого лица, например, когда речь идет об отношениях между совершеннолетними детьми и родителями¹⁶.

Нужно учитывать, что и на основании Пакта, и Конвенции возможно вмешательство государства в частную или семейную жизнь лица при соблюдении ряда условий.

В соответствии с Пактом вмешательство не должно быть незаконным или произвольным. Как отмечает Комитет по правам человека, запрет незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь означает, что «вмешательство вообще не может иметь места за исключением случаев, предусмотренных законом»¹⁷.

«Введение понятия произвольности призвано обеспечить, чтобы даже вмешательство, допускаемое законом, соответствовало положениям, целям и задачам Пакта и в любом случае являлось обоснованным в конкретных обстоятельствах»¹⁸. По мнению Комитета, понятие произвольности следует толковать более широко, чем понятие противозаконности, «включая в него элементы неприемлемости, несправедливости, непредсказуемости и несоблюдения процессуальных гарантий, наряду с элементами целесообразности, необходимости и соразмерности»¹⁹. Например, произвольным вмешательством в личную жизнь было признано одностороннее изменение государством-участником имени и фамилии автора в официальных документах (добавление по правилам латышского языка изменяемого окончания к фамилии, которая использовалась в оригинальной форме на протяжении десятилетий), поскольку это несоразмерно цели обеспечения защиты государственного языка и не является разумным²⁰.

В соответствии с ЕКПЧ и практикой ЕСПЧ вмешательство государства в реализацию рассматриваемого права в контексте ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод может быть признано допустимым при соответствии перечисленным в п. 2 указанной статьи условиям с учетом их толкования в практике Европейского Суда по правам человека.

Вмешательство государства в право на уважение частной и семейной жизни допустимо в контексте ст. 8 Конвенции, если «оно было осуществлено «в соответствии с законом», преследовало одну или несколько правомерных целей, указанных в пункте 2 статьи 8 Конвенции, было «необходимо в демократическом обществе» для достижения этих целей»²¹.

¹⁵ Дело «Знаменская (Znamenskaya) против Российской Федерации» (жалоба № 77785/01), Постановление Европейского Суда по правам человека (02.06.2005), Para. 27. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁶ Дело «Новрук (Novruk) и другие против Российской Федерации» (жалобы № 31039/11, 48511/11, 76810/12, 14618/13 и 13817/14), Постановление Европейского Суда по правам человека (15.03.2016), § 88. СПС «КонсультантПлюс».

¹⁷ Замечание общего порядка № 16 — Статья 17 (право на личную жизнь) (1988), п. 3. Available at: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fGEC%2f6624&Lang=ru (Accessed 26.11.2018).

¹⁸ Замечание общего порядка № 16 — Статья 17 (право на личную жизнь) (1988), п. 4. Available at: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fGEC%2f6624&Lang=ru (Accessed 26.11.2018).

¹⁹ Замечание общего порядка № 35 — Статья 9 (Свобода и личная неприкосновенность) (2014), п. 12. Available at: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/15/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=CCPR%2fC%2fGC%2f35&%20Lang=ru (Accessed 26.11.2018).

²⁰ Дело «Райхман (Leonid Raihman (also known as Leonîds Raihmans)) против Латвии» (сообщение № 1621/2007), Соображения Комитета по правам человека (28.10.2010), п. 8.3. Available at: <http://juris.ohchr.org> (Accessed 26.11.2018).

²¹ Дело «Москалев (Moskalev) против Российской Федерации» (жалоба № 44045/05), Постановление Европейского Суда по правам человека (07.11.2017), Para. 36. СПС «КонсультантПлюс».

Исходя из этого, ЕСПЧ в своей практике исходит из наличия некой правовой основы такого вмешательства в национальном законодательстве. Собственно понятие закона может трактоваться весьма широко, включая в свое содержание нормы международного и коммунитарного права, нормы, содержащиеся в актах законодательной и исполнительной власти и т.д.²²

Кроме того, речь идет не просто о наличии некой правовой нормы, но и о ее качестве, определяемом с учетом доступности для заинтересованного лица, предсказуемости в своих последствиях, достаточной ясности, объема дискреции, которая предоставлена компетентным органам, и способа ее использования для того, чтобы лицу была обеспечена адекватная защита от произвольного вмешательства в его право²³.

Далее, установив наличие правовой основы для вмешательства в реализацию права на уважение частной и семейной жизни, ЕСПЧ анализирует наличие одной или нескольких правомерных целей такового. В качестве правомерных целей в п. 2 ст. 8 ЕКПЧ предусматриваются интересы национальной безопасности и общественного порядка, экономического благосостояния страны, предотвращение беспорядков или преступлений, охрана здоровья или нравственности или защита прав и свобод других лиц.

Например, в деле «Дубска и Крейзова против Чешской Республики» предусмотренный законодательством запрет оказания родовспоможения на дому признан ЕСПЧ соответствующим правомерной цели защиты здоровья и безопасности матери и ребенка после родов²⁴.

Затем ЕСПЧ должен оценить, являлось ли вмешательство государства необходимым в демократическом обществе. «Термин «необходимость» резюмирует коллизия, возникающую между личностью и обществом»²⁵. ЕСПЧ будет выяснять, соответствует ли вмешательство настоятельной общественной потребности и, особенно, соразмерно ли оно преследуемой правомерной цели²⁶.

При этом государства наделяются свободой усмотрения, но «чем важнее права в схеме Конвенции, тем более убедительные причины требуются для обоснования ограничения таких прав»²⁷. И здесь ЕСПЧ учитывает и наличие консенсуса государств — членов Совета Европы относительно сравнительной важности затронутого интереса либо в отношении того, как его защитить наилучшим образом, и лучшую, по сравнению с международным судьей, осведомленность властей об обществе и его нуждах, и необходимость достижения равновесия между конкурирующими частным и публичным интересами или конвенционными правами²⁸.

²² Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека: научное издание: к 20-летию вступления Российской Федерации в Совет Европы. Перевод с английского языка В.А. Власихин и др. 2-е изд., доп. 2017. М.: Развитие правовых систем. С. 683.

²³ Дело «Роман Захаров (Roman Zakharov) против Российской Федерации» (жалоба № 47143/06), Постановление Европейского Суда по правам человека (04.12.2015), Para. 228—230. СПС «КонсультантПлюс».

²⁴ Информация о Постановлении Европейского Суда по правам человека от 15.11.2016 по делу «Дубска и Крейзова против Чешской Республики (Dubska and Krejzova v. Czech Republic)» (жалобы № 28859/11 и 28473/12). СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Роанья И. Защита права на уважение частной и семейной жизни в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. 2014. Воронеж: ООО Фирма «Элист». С. 84.

²⁶ Дело «Рожков (Rozhkov) против Российской Федерации (№ 2)» (жалоба № 38898/04), Постановление Европейского Суда по правам человека (31.01.2017), Para. 116. СПС «КонсультантПлюс».

²⁷ Роанья И. Указ. соч.

²⁸ Дело «Хорошенко (Khoroshenko) против Российской Федерации» (жалоба № 41418/04), Постановление Европейского Суда по правам человека (30.06.2015), Para. 120. СПС «КонсультантПлюс».

Так, вмешательство было признано необходимым в демократическом обществе в значении ст. 8 Конвенции в упоминавшемся выше деле «Дубска и Крейзова против Чешской Республики»²⁹.

Наконец, в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах и Конвенцией о защите прав человека и основных свобод государства не только сами не должны вмешиваться в частную и семейную жизнь, но и не допускать вмешательства со стороны физических и юридических лиц.

Как отмечает Комитет по правам человека, на государства — участников Пакта возлагается обязанность не только воздерживаться самим от незаконного или произвольного вмешательства в личную и семейную жизнь, но и не допускать подобных действия со стороны физических или юридических лиц, то есть принимать действенные законодательные и другие меры в этом направлении³⁰.

ЕСПЧ также констатирует, что в контексте ст. 8 Конвенции речь может идти и об определенных позитивных мерах государства, направленных на обеспечение уважения частной жизни даже в сфере отношений между частными лицами, достижение баланса конкурирующих интересов таких лиц (например, работника и работодателя)³¹.

Правовые позиции Комитета по правам человека и Европейского Суда по правам человека обязательны для учета и применения в российской юридической практике в рамках международных обязательств Российской Федерации, исходя из того места в российской правовой системе, которое им отводится в соответствии с ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации³².

Таким образом, в международном праве сложились определенные стандарты защиты права на уважение частной и семейной жизни, предоставляющие гражданам дополнительные возможности защиты их прав и свобод, подлежащие учету в юридической практике России.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Роанья И. Защита права на уважение частной и семейной жизни в рамках Европейской конвенции о защите прав человека. 2014. Воронеж: ООО Фирма «Элист». 196 с.
2. Харрис Д., О'Бойл М., Уорбрик К. Право Европейской конвенции по правам человека: научное издание: к 20-летию вступления Российской Федерации в Совет Европы. Перевод с английского языка В.А. Власихин и др. 2-е изд., доп. 2017. М.: Развитие правовых систем. 1340 с.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Roagna I. Protecting the right to respect for private and family life under the European Convention on Human Rights. 2014. Voronezh. 196 p.
2. Harris D., O'boyle M., Warbrick K. Law of the European Convention on Human Rights: scientific publication: on the 20th anniversary of Russia's access to the Council of Europe. Translation from English by Vlasihin and others. Second edition, supplemented. 2017. Moscow. 1340 p.

Материал поступил в редакцию 19.01.2019.

²⁹ Информация о Постановлении Европейского Суда по правам человека по делу «Дубска и Крейзова против Чешской Республики (Dubska and Krejzova v. Czech Republic)» (жалобы № 28859/11 и 28473/12) (15.11.2016). СПС «КонсультантПлюс».

³⁰ Замечание общего порядка № 16 — Статья 17 (право на личную жизнь) (1988), п. 1, 9. Available at: https://tbinternet.ohchr.org/_layouts/treatybodyexternal/Download.aspx?symbolno=INT%2fCCPR%2fGEC%2f6624&Lang=ru (Accessed 26.11.2018).

³¹ Дело «Бэрбулеску против Румынии» (жалоба № 61496/08), Постановление Европейского Суда по правам человека (05.09.2017), Para. 124—141. СПС «КонсультантПлюс».

³² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием (12.12.1993) (с поправками от 30 дек. 2008 г., 5 февр., 21 июля 2014 г.). СПС «КонсультантПлюс».

БЛОКЧЕЙН КАК ОБЪЕКТ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Скерко Андрей Игоревич — магистрант 2-го курса Юридического института Балтийского федерального университета имени И. Канта
236016, Россия, Калининград, ул. Александра Невского, д. 14
skerkoai@gmail.com

Skerko Andrey Igorevich - 2nd year Master's Student of the Law Institute of the Kant Baltic Federal University
236016, Russia, Kaliningrad, ul. Aleksandra Nevskogo, d. 14
skerkoai@gmail.com

© А.И. Скерко, 2019

Аннотация. Блокчейн является одной из передовых сетевых технологий, существующих на 2018 г. Данное обстоятельство ставит перед юриспруденцией задачу по созданию норм, направленных на регулирование блокчейна, а также вопрос применения существующих законов в отношении блокчейна и производных от него технологий и продуктов. Статья посвящена анализу существующих правовых определений понятия блокчейна в РФ и сравнению их с иностранными аналогами, а также с техническими понятиями и характеристиками блокчейна. Проводится сопоставление сущности блокчейна с действующим российским законодательством, посвященным интеллектуальным правам. Сделана попытка классификации блокчейна как объекта интеллектуальной собственности в соответствии с ч. IV Гражданского кодекса Российской Федерации. Делается вывод об отнесении блокчейна к категории объектов авторского права. Выявляются признаки тождества между техническими характеристиками (и функциями) блокчейна и такими объектами авторских прав, как программа для ЭВМ и база данных. Дополнительно складывается мнение о невозможности регистрации на сегодняшний день авторских прав на базовое программное обеспечение блокчейна и на базу данных публичного реестра (например, криптовалюты Bitcoin).

Ключевые слова: блокчейн, криптовалюта, распределенный реестр, цифровая экономика, объект интеллектуальной собственности, программа для ЭВМ, база данных.

BLOCKCHAIN AS AN OBJECT OF INTELLECTUAL PROPERTY

Abstract. Blockchain is one of the advanced network technologies existing for the year 2018. This circumstance gives rise to task assigned to the law to create rules aimed at regulating the blockchain, as well as consideration of the issue of applying existing laws with respect to the blockchain and derivatives of its technologies and products. The article is devoted to the analysis of the existing legal definitions of the concept of blockchain in the Russian Federation and their comparison with foreign analogues, as well as with the technical concepts and characteristics of blockchain. The essence of blockchain is compared with the current Russian legislation regarding intellectual property rights. An attempt is made to categorise blockchain as an object

of intellectual property under Part 4 of the Civil Code of the Russian Federation. It is concluded that the blockchain belongs to the category of objects of copyright. The author differentiates the essential elements of identity between technical characteristics (and functions) of blockchain and such objects of copyright as a computer program and database. Moreover, the author dwells on the opinion concerning current impossibility of registration of copyright to the basic blockchain software and the database of the public registry (e.g., Bitcoin crypto currency).

Keywords: blockchain, cryptocurrency, distributed register, digital economy, intellectual property object, computer program, database.

DOI: 10.17803/2542-2472.2019.9.1.053-060

В настоящее время в обществе наблюдается развитие цифровой экономики. Возникновение и применение принципиально новых технологий находит свое отражение в законодательстве и правовой доктрине современных государств. В результате новаторской деятельности сложившегося в первом десятилетии интернет-сообщества, стремившегося к независимости и надежности процессов передачи информации, был создан блокчейн. Создание данной технологии ознаменовало собой появление новых принципов хранения информации в пределах существующих сетевых технологий.

В наши дни на основании технологии блокчейн создана отдельная цифровая отрасль деятельности, начиная с общеизвестного майнинга, заканчивая разрабатываемыми платформами в области зарождающегося интернета вещей (internet of things)¹.

Динамика развития отрасли вызывает потребность во внесении изменений в существующее законодательство, а также в толкование существующих норм с целью адаптации последних к создаваемым изменениям.

Разрешению проблем применения действующего российского гражданского законодательства к технологии блокчейн посвящено данное исследование. В свою очередь, его предметом является разрешение вопроса классификации блокчейна в соответствии с действующим российским законодательством.

Для разрешения поставленных вопросов требуется понять, чем является объект текущего исследования как с точки зрения российских законов и законопроектов, так и правовой доктрины.

На момент создания данной работы в России отсутствует легальное определение блокчейна, но существует попытка его создать как часть содержания специализированного законопроекта.

Так, в ст. 2 проекта федерального закона «О цифровых финансовых активах» (далее — «Законопроект») отсутствует легальное определение термина блокчейна, но в данном документе дана дефиниция распределенного реестра:

«Распределенный реестр цифровых транзакций — систематизированная база цифровых транзакций, которые хранятся, одновременно создаются и обновляются на всех носителях у всех участников реестра на основе заданных алгоритмов, обеспечивающих ее тождественность у всех пользователей реестра»².

Схожее определение представлено в проекте федерального закона с идентичным названием, внесенного на рассмотрение в Государственную Думу РФ от 20.03.2018, и который на данный момент принят в первом чтении: «распределенный реестр цифровых транзакций — формируемая на определенный момент времени системати-

¹ Patel S. Blockchains for publicizing available scientific datasets. Thesis. Master's degree. 2017. University of Mississippi, Oxford, Mississippi, USA. (Order No. 10281854). P. 1—3. Available from ProQuest Dissertations & Theses Global. (1925613941). Available at <https://search.proquest.com/docview/1925613941> (Accessed 05.10.2017).

² О цифровых финансовых активах: проект федерального закона от 25.01.2018 .URL: https://www.minfin.ru/ru/document/?id_4=121810&order_4=P_DATE&dir_4=DESC&is_new_4=1&page_4=1&area_id=4&page_id=2104&popup=Y# (дата обращения: 01.02.2018).

зированной база цифровых транзакций, которые хранятся, одновременно создаются и обновляются на всех носителях у всех участников реестра на основе заданных алгоритмов, обеспечивающих ее тождественность у всех пользователей реестра»³.

Изучаемые технические нововведения уже нашли отражение в иностранном законодательстве. Согласно законодательству штата Аризона в США (Arizona House Bill 2417, Article 5, part «Е», paragraph 1), технология блокчейн означает технологию распределенного реестра, которая использует распределенный, децентрализованный, коллективный и реплицирующийся реестр, который может быть публичным и частным, разрешенным или неразрешенным, с возможностью применения токенов в криптоэкономике или без таковой, данные которого защищены криптографически, является неизменным и проверяемым, а также обеспечивающим не подверженную цензуре истину⁴.

Следуя принципу «Если хочешь найти объяснение определенного общественного явления, то ищи функцию, которую оно исполняет»⁵, логичным будет обратиться к сущности рассматриваемой технологии и выполняемых ею функций.

В иностранной доктрине блокчейн определяют как децентрализованную распределенную между участниками рабочей сети запись всех проверенных транзакций, сгруппированных по блокам, каждый из которых криптографически связан с транзакциями предшественника, вплоть до блока генезиса, все это создает «цепочку блоков»⁶.

Как средство с самым широким спектром применения рассматривают блокчейн российские технические специалисты. В частности, блокчейн ими определяется как «чистая распределенная пиринговая система реестров, использующих программное обеспечение, которое состоит из алгоритмов, согласующих и объединяющих информационное содержание упорядоченных и связанных блоков данных в единое целое, на основе технологий криптографии и безопасности с целью обеспечения целостности системы»⁷. Процесс же создания блоков данного реестра является конкурсом компьютеров сети на выполнение вычислительной задачи, вероятность победы в котором зависит от мощности последних, конкурс проходит без непосредственного участия человека, «победитель» соревнования добавляет новую запись в реестр⁸.

Несложно заметить, что как в российских законопроектах, так и иностранных нормах определения блокчейна (распределенного реестра (distributed ledger — англ.)) в основном совпадают с техническими, более того, в фокус внимания попадает общая закономерность — они фактически являются ограниченными версиями технических определений.

Таким образом, в сущности блокчейна можно выделить два элемента: это электронно-вычислительная машина (далее — ЭВМ) и специализированное программное обеспечение, которое включает в себя следующие элементы: базу данных (реестр), криптографическое программное обеспечение для формирования блоков информационной цепи и «почтовую» часть для обмена информацией о содержании реестра с другими узлами (компьютерами) сети⁹.

³ О цифровых финансовых активах: проект федерального закона от 20.03.2018 URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7> (дата обращения: 11.06.2018).

⁴ Arizona House Bill 2417(Prior Session Legislation) (Passed 29.03.2017). Available at <https://legiscan.com/AZ/text/HB2417/id/1588180> (Accessed 28.01.2018).

⁵ Коломенская Е.В. Функциональный подход к исследованию договора. 2005. Журнал российского права. № 5 (101). С. 113—124.

⁶ Hileman G., Rauchs M. Global Cryptocurrency Benchmarking Study. 2017. Cambridge Centre for Alternative Finance, Judge Business School, University of Cambridge. P. 13—15.

⁷ Часовских В.П., Лабунец В.Г., Воронов М.П. Технологий «блокчейн» (blockchain) в образовании ВУЗов и цифровой экономике. 2017. Эко-потенциал. № 2(18). С. 99—105.

⁸ Поппер, Н. Цифровое золото: невероятная история Биткойна, или как идеалисты и бизнесмены изобретают деньги заново. 2016. М.: ООО «И.Д. Вильямс». С. 35—37.

⁹ Федотов Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта. 2018. Вестник гражданского права. № 2, Том 18. С. 31—33. DOI: 10.24031/1992-2043-2018-18-2-30-74.

В ходе дальнейшего анализа можно прийти к выводу, что блокчейн является сложным техническим нововведением, относящимся к программному обеспечению на базе существующих компьютерных технологий, что исключает его отнесение к материальным объектам гражданского права и переводит данное исследование в область объектов интеллектуальной собственности.

Обобщая приведенный материал, несложно заметить, что блокчейн-технология не содержит в себе принципиально новых элементов, относящихся к овеществленному компьютерному оборудованию; специализированное оборудование, ускоряющее его работу, появилось значительно позже создания блокчейн-технологии¹⁰. Данный факт исключает возможность отнесения блокчейна к категориям топологии интегральных микросхем, промышленным образцам и изобретениям¹¹.

Таким образом, предполагается возможным отнести блокчейн к категории программного обеспечения или «программ для ЭВМ», а также (по формальным признакам) к «базам данных».

Учитывая «составной» характер блокчейн-технологии (как было установлено ранее, в его состав входят следующие элементы: программа для ЭВМ, реестр и непосредственно сама ЭВМ), можно прийти к умозаключению, что его гражданско-правовая сущность нуждается в рассмотрении с точки зрения ч. IV Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ).

Понятие объекта интеллектуальной собственности в ГК РФ на данный момент отсутствует, но в ст. 1225 приводится перечень данных объектов, а в остальной части Кодекса дается определение каждому объекту интеллектуальной собственности отдельно¹².

Для наиболее объективного подхода к определению гражданско-правовой сущности блокчейна представляется логичным начать с материи и обратиться к тому, что такое физическая сущность блокчейна.

Как было указано ранее, распределенный реестр (блокчейн) представляет собой программное обеспечение с хранилищем данных, установленное на множество компьютеров пользователей, образующих единую сеть. Таким образом, мы сталкиваемся с носителем программы блокчейна.

Согласно ст. 1227 ГК РФ интеллектуальные права не зависят от права собственности и других вещных прав на материальный носитель (вещь), в котором выражен соответствующий результат интеллектуальной деятельности.

Проблема связи объекта интеллектуальной собственности с материальным носителем уже изучалась в российской науке¹³. Н.Н. Инюшкин определяет материальный носитель как «внешнюю форму выражения объектов интеллектуальной собственности», к ним относят флеш-накопители, CD и DVD диски, Blue-Ray Disc, а также сетевые (виртуальные) хранилища и сервера компьютера¹⁴.

Анализируя и сопоставляя изложенные выше данные, можно прийти к мнению, что на текущем этапе блокчейн не представляется возможным отождествить с объектами из указанного перечня.

При рассмотрении содержания ст. 1227 ГК РФ можно установить, что законодатель отграничивает материальный носитель от объекта интеллектуальной собственности по овеществленному признаку, в ч. 1 ст. 1225 прямо указано, что материальный носитель по своей сути является вещью, в качестве второго признака выделена

¹⁰ Воронов М.П., Часовских В.П. Blockchain — основные понятия и роль в цифровой экономике. 2017. Фундаментальные исследования. № 9-1. С. 30—35.

¹¹ Там же. С. 30—35.

¹² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) № 230-ФЗ (18.12.2006). 2006. Собрание законодательства РФ. № 52 (1 ч.). Ст. 5496.

¹³ Инюшкин А.А. Актуальные вопросы разграничения интеллектуальных прав на базы данных и вещных прав на их материальный носитель. Теория и практика общественного развития. 2015. № 24. С. 237—238.

¹⁴ Инюшкин А.А. Интеллектуальные права и вещные права: соотношение на примере баз данных. 2016. Общество: политика, экономика, право. № 12. С. 138—140.

выраженность в данной вещи соответствующего результата интеллектуальной деятельности¹⁵. Данное положение подтверждает вывод о невозможности применения к блокчейну положений ч. IV ГК РФ об объектах интеллектуальной собственности, образцы (модели) которых могут быть овеществлены.

Соответственно, дальнейшее исследование будет посвящено исключительно вопросам соотношения блокчейна с программой для ЭВМ и базой данных.

Действующее гражданское законодательство России в ч. 1 ст. 1259 ГК РФ определяет программу для ЭВМ как «совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата, включая подготовительные материалы, полученные в ходе разработки программы для ЭВМ и порождаемые ею аудиовизуальные изображения».

Как уже было определено, блокчейн содержит в себе совокупность данных и команд, наделяющих компьютер (ЭВМ) функциями по поддержанию пиринговой связи с другими ЭВМ сети, приема от них зашифрованных данных о внесенных в информацию сети изменениях¹⁶. В соответствии с критериями ст. 1259 ГК РФ перечисленных функций достаточно для классификации блокчейна как программы для ЭВМ по разрешению конкурсных задач для майнинга и других функций для поддержания действия сети блокчейн¹⁷. Результатом функционирования указанной программы является создание и продолжение цепочки зашифрованных данных блокчейна.

По данным критериям возможно формальное отнесение блокчейн к категории программы для ЭВМ, описанной в ГК РФ как «совокупность данных и команд, предназначенных для функционирования ЭВМ и других компьютерных устройств в целях получения определенного результата».

Сосредоточение внимания на наличии в составе программы блокчейна информации о множестве транзакций, совершенных пользователями сети и сохраненных в памяти ЭВМ, выявляет наличие в составе блокчейн и такого объекта интеллектуальной собственности, как база данных. Согласно действующему ГК РФ (ч. 2 ст. 1260) базой данных является «представленная в объективной форме совокупность самостоятельных материалов (статей, расчетов, нормативных актов, судебных решений и иных подобных материалов), систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью электронно-вычислительной машины (ЭВМ)». Представляется логичным отнести информацию о множестве транзакций пользователей сети к категории «иных подобных материалов».

На наличие в составе технологии блокчейн базы данных уже указывалось в современных исследованиях зарубежных ученых¹⁸. Можно согласиться с выводами данных работ, поскольку совокупность блоков зашифрованных данных, содержащих информацию о сделках, совершенных пользователями в рамках сети и систематизированных таким образом, чтобы к ним можно было получить доступ, представляется возможным классифицировать по формальным признакам ст. 1260 ГК РФ как базу данных¹⁹.

В результате анализа рассмотренных определений ГК РФ можно прийти к следующим выводам. В сложившейся ситуации, в программном обеспечении блокчейн наблюдаются черты, позволяющие отнести его (в соответствии с ГК РФ) как к категории программы для ЭВМ, так и базе данных. Точнее даже будет указать, что он содержит в себе черты и того, и другого объекта интеллектуальной собственности. На данный момент возможен вывод, что изученные элементы в рамках блокчейна образуют единый объект, один элемент которого не может функционировать без второго и наоборот. Представляется логичным предположить, что использование любого из данных элементов по отдельности нецелесообразно, ведь база данных без

¹⁵ Там же.

¹⁶ Поппер Н. Указ. соч. С. 35—37.

¹⁷ Поппер Н. Указ. соч. С. 35—37.

¹⁸ Patel S. Op. cit. P. 1—3, 6—7.

¹⁹ Patel S. Op. cit. P. 1—3, 6—7; ГК РФ.

программы не может быть расшифрована для использования, а программа теряет объект своего обслуживания.

В данном контексте логичным будет использовать единое название рассматриваемого объекта — «технология блокчейн» или «распределенный реестр».

Изучая историю развития блокчейна, возможно подойти к истокам его зарождения, иными словами, к появлению исходного кода блокчейн, использовавшегося для оборота биткоина. Впервые концепция блокчейн-технологии как среды оборота первой в мире криптовалюты «биткоин» была опубликована в 2008 г. в узких кругах профессиональных программистов²⁰. Его первичными создателями, реализовавшими данную концепцию, можно рассматривать неизвестного Сатоши Накамото, Хэла Финни (ныне умершего), Ласло Ханеча, Марти Малми, Гэвина Андерсена и других программистов, которые создавали базовое программное обеспечение блокчейн с 2008 по 2011 гг., ещё до его широкого распространения²¹. При этом, учитывая факт, что на определенном этапе своего развития (особенно ранних лет) его программное обеспечение поддерживалось множеством программистов, многие из которых остались анонимными, возможно сделать вывод, что на сегодняшний момент исходный (базовый) код программного обеспечения блокчейн, а вернее, авторские права на него не могут принадлежать конкретному автору²². Иными словами, авторские и исключительные права на это программное обеспечение не могут на данный момент принадлежать какому-либо субъекту права ввиду невозможности установления автора.

При рассмотрении вопроса отнесения базы данных блокчейна к категории «баз данных», описанной в части четвертой Гражданского кодекса РФ, обнаруживаются формальные признаки соответствия и тождества. Действительно, множество работающих в сети компьютеров, непрерывно формирующие реестр блокчейна, создают огромную базу данных, но возможность регистрации авторских прав на базу данных публичного блокчейна не представляется реализуемой по причине ее коллективного создания многомиллионным числом пользователей на автоматизированной основе.

Представляется возможным регистрация авторских прав на базу данных локальных частных блокчейн сетей, обслуживающих ограниченное количество лиц, прошедших формальные процедуры регистрации и принявших специально составленные для этого соглашения.

Таким образом, на сегодняшний день на территории РФ может быть зарегистрировано авторское право только на программы для ЭВМ и базы данных, созданные на основе самого блокчейна, но не право на исходный (базовый) код и публичный реестр.

Можно говорить о востребованности законодательного расширения перечня результатов интеллектуальной деятельности в ч. 1 ст. 1225 ГК РФ, дополнив её технологией распределенных реестров (блокчейна).

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Воронов М.П., Часовских В.П. Blockchain — основные понятия и роль в цифровой экономике. 2017. Фундаментальные исследования. № 9-1. С. 30—35.
2. Инюшкин А.А. Актуальные вопросы разграничения интеллектуальных прав на базы данных и вещных прав на их материальный носитель. 2015. Теория и практика общественного развития. № 24. С. 237—238.

²⁰ Bargar D. The economics of the blockchain: A study of its engineering and transaction services marketplace. 2016. Thesis. Master's degree. Clemson University, Clemson, South Carolina, USA. (Order No. 10119255). P. 1—4. Available from ProQuest Dissertations & Theses Global. (1805168683). Available at <https://search.proquest.com/pqdtglobal/docview/1805168683> (Accessed 05.10.2017).

²¹ Поппер Н. Указ. соч. С. 43—52, 53—60.

²² Поппер Н. Указ. соч. С. 43—52, 53—60.

3. Инюшкин А.А. Интеллектуальные права и вещные права: соотношение на примере баз данных. 2016. Общество: политика, экономика, право. № 12. С. 138—140.
4. Коломенская Е.В. Функциональный подход к исследованию договора. 2005. Журнал российского права. № 5 (101). С. 113—124.
5. Поппер Н. Цифровое золото: невероятная история Биткойна, или как идеалисты и бизнесмены изобретают деньги заново. 2016. М.: ООО «И.Д. Вильямс». 368 с.
6. Федотов Д.В. Токены, криптовалюта и смарт-контракты в отечественных законопроектах с позиции иностранного опыта. 2018. Вестник гражданского права. № 2. Т. 18. С. 31—33. DOI: 10.24031/1992-2043-2018-18-2-30—74.
7. Часовских В.П., Лабунец В.Г., Воронов М.П.. Технология «блокчейн» (blockchain) в образовании вузов и цифровой экономике. 2017. Эко-потенциал. № 2(18). С. 99—105.
8. Bargar D. The economics of the blockchain: A study of its engineering and transaction services marketplace. 2016. Thesis. Master's degree. Clemson University, Clemson, South Carolina, USA. (Order No. 10119255). P. 1—4. Available from ProQuest Dissertations & Theses Global. (1805168683). Available at <https://search.proquest.com/pqdtglobal/docview/1805168683> (Accessed 05.10.2017).
9. Hileman G., Rauchs M. Global Cryptocurrency Benchmarking Study. Cambridge Centre for Alternative Finance, Judge Business School, University of Cambridge, 2017. Available at https://www.jbs.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/research/centres/alternative-finance/downloads/2017-global-cryptocurrency-benchmarking-study.pdf (Accessed 10.08.2018).
10. Patel S. Blockchains for publicizing available scientific datasets. Thesis. Master's degree. 2017. University of Mississippi, Oxford, Mississippi, USA. (Order No. 10281854). Available from ProQuest Dissertations & Theses Global. (1925613941). Available at <https://search.proquest.com/docview/1925613941> (Accessed 05.10.2017).

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Voronov M. P., Chasovskikh V. P. blockchain — osnovnye ponyatiya i rol v tsifrovoy ekonomike [Blockchain — its basic concepts and its role in the digital economy]. 2017. *Fundamentalnye issledovaniya [Basic Research]*. No. 9-1. P. 30—35. (In Russian).
2. Inyushkin A. A. Aktualnye voprosy razgranicheniya intellektualnykh prav na bazy dannykh i veshchnykh prav na ikh materialnyy nositel [Actual issues of differentiation of intellectual rights to databases and property rights to their material carrier]. 2015. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya [The Theory and Practice of Social Development]*. No. 24. P. 237—238. (In Russian).
3. Inyushkin A. A. Intellektualnye prava i veshchnye prava: sootnoshenie na primere baz dannykh [Intellectual rights and property rights: The ratio on the example of databases]. 2016. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo [The Society: Politics, Economics, Law]*. No. 12. P. 138—140. (In Russian).
4. Kolomenskaya E. V. Funktsionalnyy podkhod k issledovaniyu dogovora [Functional approach to the contract examination]. 2005. *Zhurnal rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. No. 5 (101). P. 113—124. (In Russian).
5. Popper N. Tsifrovoe zoloto: neveroyatnaya istoriya Bitkoina, ili kak idealisty i biznesmeny izobretayut dengi zanovo [Digital gold: an incredible story of Bitcoin, or how idealists and businessmen reinvent money]. 2016. Moscow, ООО «И. Д. Вильямс» Publ., 368 p. (In Russian).
6. Fedotov D. V. Tokeny, kriptovalyuta i smart-kontrakty v otechestvennykh zakonoproektakh s pozitsii inostrannogo opyta [Tokens, cryptocurrency and smart contracts in domestic draft laws from the perspective of foreign experience]. 2018. *Vestnik grazhdanskogo prava [Bulletin of Civil Law]*. No. 2. Vol. 18. P. 31—33. (In Russian) DOI: 10.24031/1992-2043-2018-18-2-30—74.
7. Chasovskikh V. P., Labunets V. G., Voronov M. P. Tekhnologiya «blokcheyn» (blockchain) v obrazovanii vuzov i tsifrovoy ekonomike [The technology of the blockchain (the blockchain) in the formation of Universities and the digital economy]. 2017. *Eco-potential*. No. 2(18). P. 99—105. (In Russian).

8. Bargar D. The economics of the blockchain: A study of its engineering and transaction services marketplace. 2016. Thesis. Master's degree. Clemson University, Clemson, South Carolina, USA. (Order No. 10119255). P. 1—4. Available from ProQuest Dissertations & Theses Global. (1805168683). Available at <https://search.proquest.com/pqdtglobal/docview/1805168683> (Accessed 05.10.2017).
9. Hileman G., Rauchs M. Global Cryptocurrency Benchmarking Study. Cambridge Centre for Alternative Finance, Judge Business School, University of Cambridge, 2017. Available at https://www.jbs.cam.ac.uk/fileadmin/user_upload/research/centres/alternative-finance/downloads/2017-global-cryptocurrency-benchmarking-study.pdf (Accessed 10.08.2018).
10. Patel S. Blockchains for publicizing available scientific datasets. Thesis. Master's degree. 2017. University of Mississippi, Oxford, Mississippi, USA. (Order No. 10281854). Available from ProQuest Dissertations & Theses Global. (1925613941). Available at <https://search.proquest.com/pqdtglobal/docview/1805168683> (Accessed 05.10.2017).

Материал поступил в редакцию 27.12.2018.

ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА ИЛИ ИНОЕ ЗАГЛАЖИВАНИЕ ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ВРЕДА КАК УСЛОВИЕ ОСВОБОЖДЕНИЯ ОТ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СВЯЗИ С НАЗНАЧЕНИЕМ СУДЕБНОГО ШТРАФА

Шулятикова Екатерина Владимировна — студент 2-го курса магистратуры Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) 125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9 Shulitik@mail.ru

Ekaterina V. Shulyatikova — 2nd year Master's Student of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL) 125993, Russia, Moscow, ul. Sadovaya-Kudrinskaya, d. 9 Shulitik@mail.ru

© Е.В. Шулятикова, 2018

Аннотация. Введение в уголовный закон нового института судебного штрафа, появление в уголовном процессе нового производства о назначении этой меры при освобождении от уголовной ответственности вызывает много вопросов как теоретического, так и практического характера, которые связаны с условиями и основаниями освобождения от уголовной ответственности. Статья посвящена оценке правоприменителями такого условия освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа, как возмещение ущерба или иное заглаживание вреда. Анализируется судебная практика применения нового института к конкретным составам преступлений. Выявлены проблемы толкования правоприменителями требований закона. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: судебный штраф, мера уголовно-правового характера, возмещение ущерба, заглаживание вреда, условия освобождения от уголовной ответственности, освобождение от уголовной ответственности, правоприменение, судебная практика, постановление, суд апелляционной инстанции.

MONETARY COMPENSATION FOR DAMAGE OR OTHER WAYS OF EXPIATION FOR DAMAGE CAUSED BY THE CRIME AS A CONDITION FOR EXEMPTION FROM CRIMINAL LIABILITY IN CONNECTION WITH THE IMPOSITION OF A COURT FINE

Abstract. Introduction of a new category of 'a court fine' into the criminal law, the appearance in the criminal process of a new proceeding dealing with the imposition of

the penalty in question when exempting from criminal liability raises many questions of both theoretical and practical nature that are associated with the conditions and grounds for exemption from criminal liability. The article is devoted to the assessment of such a condition of exemption from criminal liability in connection with the imposition of a court fine as compensation for the damage or other ways of expiation for the harm. The author analyzes the court practice regarding application of the new category to specific crimes. The study determines the problems of interpretation of law enforcement requirements. The author makes proposals aimed at improving legislation and law enforcement practice.

Keywords: court fine, criminal law measure, compensation for damage, expiation for harm, conditions of exemption from criminal liability, exemption from criminal liability, law enforcement, court practice, decision, court of appeal.

DOI: 10.17803/2542-2472.2019.9.1.061-068

Прекращение уголовного преследования в связи с назначением судебного штрафа в соответствии со ст. 25.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹ (далее — УПК РФ) может иметь место при ряде условий:

- инкриминированное преступление должно относиться к категории небольшой или средней тяжести;
- лицо должно совершить преступление впервые;
- это лицо к моменту принятия решения должно возместить ущерб или иным образом загладить причиненный преступлением вред.

При наличии совокупности этих условий суд вправе прекратить уголовное дело (преследование) и назначить лицу меру уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. Оценка последнего условия представляет сложность на практике.

Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»² (с учетом разъяснений постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 56³) «в статье 76.2 УК РФ под ущербом следует понимать имущественный вред, который может быть возмещен в натуре (в частности, путем предоставления имущества взамен утраченного, ремонта или исправления поврежденного имущества), в денежной форме (например, возмещение стоимости утраченного или поврежденного имущества, расходов на лечение) и т.д. Под заглаживанием вреда (ч. 1 ст. 75, ст. 76.2 УК РФ) понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, а также принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства».

Е.А. Хлебницына⁴ также рассматривала несколько аспектов рассматриваемого условия освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. Так, автор указала на наличие трудностей у правоприменителей при

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации № 174-ФЗ (18.12.2001). 2001. Собрание законодательства РФ. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 (ред. от 29.11.2016) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» (27.06.2013). 2013. Бюллетень Верховного Суда РФ. № 8.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 56 «О внесении изменений в некоторые постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации по вопросам совершенствования оснований и порядка освобождения от уголовной ответственности» (29.11.2016). 2017. Бюллетень Верховного Суда РФ. № 1.

⁴ Хлебницына Е.А. Возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом как условие освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. 2018. Юридические науки. № 2. С. 139—144.

установлении данного условия по преступлениям с формальным составом, о сложностях в определении объема возмещения ущерба или заглаживания вреда, а также подняла вопрос о возможности выполнения условия по возмещению ущерба или заглаживанию вреда третьими лицами (по просьбе или с согласия лица, совершившего преступление).

Анализ практики применения ст. 76.2 УК РФ показывает, что существует и ряд других вопросов, связанных с возможностью возмещения и заглаживания вреда в различных преступных деяниях, например:

- в которых отсутствует потерпевший (например, ч. 1 ст. 228 УК РФ и ст. 264.1 УК РФ);
- по делам о неоконченных преступлениях (например, ч. 3 ст. 30 ч. 1 ст. 158 УК РФ);
- которыми наносится вред двум объектам (например, ст. 318 УК РФ, где основным объектом преступления является нормальная деятельность органов власти, а дополнительным — здоровье представителя власти или его близких).

В юридической литературе по данным вопросам нет единого мнения.

Так, В.И. Решетняк, полагает, что уголовные дела по таким преступлениям (*прим. ав. за исключением неоконченных преступлений*) не подлежат прекращению в связи с назначением судебного штрафа по той причине, что «введение этой меры было направлено не только на либерализацию уголовного закона, но и на стимулирование позитивного постпреступного поведения виновного лица и скорейшее восстановление нарушенных прав и законных интересов лица, пострадавшего от преступных действий»⁵.

Свое отношение по данному вопросу высказала и Л.В. Лобанова, которая считает, что «отказ от применения судебного штрафа за преступление небольшой или средней тяжести не может быть мотивирован тем, что вред причинен не конкретному человеку либо юридическому лицу, а всему государству или обществу либо неопределенно широкому кругу лиц»⁶. По мнению автора, такое решение суда «может быть обосновано принципиальной невозможностью загладить этот вред»⁷.

Более того, С.А. Ворожцов⁸, придерживаясь позиции, что институт судебного штрафа может применяться только по уголовным делам о преступлениях, составы которых предусматривают возможность причинения вреда конкретным физическим или юридическим лицам, даже предлагает примерный перечень статей Особенной части УК РФ, где преступными действиями обязательно причиняется вред.

Как полагают А.В. Кудрявцева и К.И. Сутягин, существуют «составы преступлений, которые не предусматривают наступление каких-либо последствий»⁹. Хотя с такой формулировкой сложно согласиться, т.к. каждое преступление, охраняемое уголовным законом, предусматривает наступление последствий для тех или иных общественных отношений, выражаться же эти последствия могут в различных формах. Авторы выделяют составы преступлений, которые «не предполагают возможные варианты возмещения ущерба или заглаживания вреда в силу отсутствия таковых»¹⁰. В таких случаях «виновное лицо в силу объективных причин не имеет возможности проявить свое позитивное посткриминальное поведение как одно из условий прекращения дела с назначением судебного штрафа»¹¹. Исходя из этого,

⁵ Решетняк В.И. Судебный штраф в уголовном судопроизводстве. 2017. Судья. № 4. С. 34—38.

⁶ Лобанова Л.В. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности. 2016. Уголовное право. № 6. С. 111—121.

⁷ Там же.

⁸ Ворожцов С.А. О некоторых проблемах, возникающих в судебном производстве по прекращению уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. 2017. Мировой судья. № 11. С. 20.

⁹ Кудрявцева А.В., Сутягин К.И. Судебный штраф. 2016. Уголовное право. № 6. С. 102—111.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

формально, по таким преступлениям решение о назначении судебного штрафа не может быть принято в силу отсутствия одного из условий. Вместе с тем авторы считают целесообразным нормы института дополнить другими вариантами посткриминального поведения, свидетельствующего о возможности исправления лица без назначения наказания с применением судебного штрафа.

Анализируя практику, также можно сделать вывод о том, что правоприменители по-разному толкуют требования закона.

Первый пример. Постановлением мирового судьи судебного участка № 3 г. Саяногорска от 04.08.2016 уголовное дело в отношении Ш., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ст. 264.1 УК РФ, прекращено на основании ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ. В апелляционном представлении прокурор указал, что «постановление подлежит отмене в связи с неправильным применением уголовного закона, поскольку диспозиция ст. 264.1 УК РФ не предусматривает причинение вреда, а в соответствии со ст. 76.2 УК РФ лицо может быть освобождено судом от уголовной ответственности в случае, если лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред»¹². Саяногорский городской суд Республики Хакасия 08.08.2016 посчитал необходимым обжалуемое постановление отменить, указав на то, что «суд первой инстанции не принял во внимание, что по смыслу закона, обязательным условием для прекращения уголовного дела на основании ст. 76.2 УК РФ и ст. 25.1 УПК РФ является возмещение ущерба или заглаживание причиненного вреда. Условие возмещения ущерба может быть применено только к тем предусмотренным Особенной частью УК РФ преступным действиям или бездействиям, по которым имеется потерпевший, то есть физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред или юридическое лицо в случае причинения вреда имуществу или деловой репутации.

Преступление, в котором обвиняется Ш., направлено против безопасности движения и эксплуатации транспорта. Объекту посягательства данным общественно опасным деянием причиняется нематериальный вред, т.е. он не сопряжен с физическим воздействием на человека или материальные предметы внешнего мира.

Субъектом регулирования охраняемых соответствующими статьями УК РФ общественных отношений, в смысле устранения нанесенного им вреда, физическое лицо (обвиняемый) являться не может. Однако вопрос, может ли это лицо способствовать устранению ущерба или своими действиями заглавить причиненный вред, подлежит выяснению.

Как следует из обжалуемого постановления, возмещение ущерба или заглаживание причиненного вреда как условие для прекращения уголовного дела, учитывая квалификацию преступления, в котором обвиняется Ш., в судебном заседании не исследовалось и оценке не подвергалось».

Второй пример. Постановлением Кировского городского суда Ленинградской области от 30.09.2016 уголовное дело в отношении Я., обвиняемого в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 228 УК РФ, было прекращено на основании ст. 25.1 УПК РФ. В апелляционном представлении и.о. Кировского городского прокурора Ленинградской области, не оспаривая квалификацию действий Я., указывает, что «преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 228 УК РФ, не влечет за собой причинение ущерба или вреда и, тем самым, не подпадает под категорию преступлений, к которым может быть применен судебный штраф в соответствии со ст. 25.1 УПК РФ»¹³.

¹² Апелляционное постановление Саяногорского городского суда Республики Хакасия по делу № 10-33/52016 (08.09.2016). URL: <http://sudact.ru/regular/doc/3GpW1CTCsWL4/> (дата обращения: 30.08.2018).

¹³ Апелляционное постановление Ленинградского областного суда по делу № 22-2703/2016 (15.12.2016). URL: https://oblsud-lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&rv_num=1&name_op=doc&number=529429&delo_id=4&new=4&text_number=1&case_id=69381 (дата обращения: 30.08.2018).

Суд апелляционной инстанции посчитал необходимым обжалуемое постановление отменить, указав, как и в предыдущем рассмотренном примере, на то, что судом первой инстанции не соблюдены условия о прекращении уголовного дела по основанию, предусмотренному ст. 76.2 УК РФ и в порядке ст. 25.1 УПК РФ. Так, судом не установлено, не выяснялось и не оценивалось, имело ли место заглаживание вреда как условие для прекращения уголовного дела.

Однако в обобщении судебной практики Ленинградского областного суда по прекращению уголовных дел или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (освобождения от уголовной ответственности лиц с назначением судебного штрафа) (ст. 76.2 УК РФ) за период с 15.07.2016 по 31.12.2016 авторы указывают на «недопустимость применения к лицам меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в ходе предварительного слушания или судебного разбирательства по уголовным делам, где потерпевший не установлен, т.е. вред причинен общественным отношениям»¹⁴.

Но в большинстве случаев суды не запрещают применение рассматриваемой меры уголовно-правового характера в преступлении без потерпевшего, однако, обращают внимание на необходимость указания в итоговом решении о мерах, которые были предприняты подсудимым к устранению ущерба. Данные меры должны носить такой характер, чтобы имелась возможность их оценки судом. Примером устранения ущерба по преступлению, предусмотренному ч. 1 ст. 228 УК РФ, может служить прохождение подсудимым лечения от зависимости, избличение лиц, сбывших ему наркотическое средство, либо иных лиц, совершающих преступления в сфере незаконного оборота наркотиков.

Если говорить о неоконченных преступлениях, то в этих случаях, хотя фактически реальный ущерб как результат преступления не причиняется, но негативные последствия для потерпевших зачастую имеются (например, порча двери при проникновении в помещение во время совершения кражи, порча мебели, нравственные страдания потерпевшего из-за произошедшего). При таких обстоятельствах действия по заглаживанию вреда (например, оплата ремонта двери, принесение извинений или возмещение морального вреда, пусть даже напрямую и не предусмотренного при хищении) следует рассматривать как соблюдение условия для прекращения дела с назначением судебного штрафа.

На практике же встречаются решения, когда само возвращение имущества на ответственное хранение при покушении на кражу судом признавалось выполнением условия о заглаживании вреда.

Так, постановлением мирового судьи судебного участка № 108 Комсомольского судебного района г. Тольятти Самарской области от 06.09.2016 уголовное дело в отношении М., ранее не судимой, обвиняемой в совершении преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 30, ч. 1 ст. 158 УК РФ, прекращено на основании ст. 76.2 УК РФ и ч. 1 ст. 25.1 УПК РФ в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. «Материальный ущерб, который своими действиями могла причинить М., составляет 2574 рубля 15 копеек. Однако в связи с тем, что преступление не было доведено до конца, товар на указанную сумму возвращен потерпевшему на ответственное хранение...» суд посчитал, что права потерпевшего восстановлены, а значит, имеются основания для прекращения уголовного дела с назначением судебного штрафа¹⁵.

¹⁴ Обобщение судебной практики прекращения уголовных дел или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (освобождения от уголовной ответственности лиц с назначением судебного штрафа) (ст. 76.2 УК РФ) за период с 15 июля 2016 года по 31 декабря 2016 года: Ленинградский областной суд. URL: http://oblsud.lo.sudrf.ru/modules.php?id=153&name=docum_sud (дата обращения: 30.08.2018).

¹⁵ Постановлением Мировой судьи судебного участка № 108 Комсомольского судебного района г. Тольятти Самарской области № 1-53/2016 (06.09.2016). URL: <http://108>.

Встречаются примеры, когда правоприменители исключают возможность применения данной меры по делам, где имеются два объекта преступления: основной объект уголовной защиты — интересы государства и непосредственно потерпевший, выступающий лишь как дополнительный объект этого посягательства.

Президиум Ленинградского областного суда постановлением от 13.06.2017 отменил постановление Кировского городского суда Ленинградской области от 24.10.2016 о прекращении уголовного дела по обвинению Б.А., Б.С., К.Н. в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 318 УК РФ, на основании ст. 25.1 УПК РФ. Суд апелляционной инстанции указал на то, что «по данному основанию прекращены могут быть только такие дела, по которым имеется потерпевший и преступные действия совершены непосредственно против него и его прав. В тех случаях, когда преступное посягательство обращено на иной защищаемый законом объект — интересы государства, по роду которого указанные преступления расположены в соответствующих главах Уголовного кодекса РФ, относящихся к преступлениям против порядка управления, отсутствие ущерба у потерпевшего не устраняет вред, нанесенный основному объекту преступного посягательства. Следовательно, в этом случае преступление в целом не теряет своей общественной опасности и уголовное дело в отношении лиц, его совершивших, не может быть прекращено»¹⁶.

Хотя есть и примеры решений, в которых лица освобождались от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа по двухобъектному составу преступления.

Так, Третий окружным военным судом 17.10.2016, вопреки мнению военного прокурора, по жалобам стороны защиты и потерпевшего отменен приговор Мирненского гарнизонного военного суда от 26.07.2016 об осуждении капитана Т. по ч. 1 ст. 318 УК РФ к штрафу в размере 70 тыс. рублей, уголовное дело прекращено на основании ст. 25.1 УПК РФ с назначением обвиняемой меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа в размере 70 тыс. рублей. Окружной военный суд, приняв во внимание чистосердечное раскаяние Т., положительные характеристики, наличие на иждивении двух малолетних детей, мнение потерпевшего сотрудника полиции, которому она возместила моральный и имущественный вред, настаивавшего на освобождении обвиняемой от уголовной ответственности, пришел к выводу о том, что «применение упомянутой меры уголовно-правового характера будет в полной мере способствовать достижению задач уголовного судопроизводства, а также исправлению последней и предупреждению совершения ею любых иных общественно опасных деяний»¹⁷. Данный пример интересен и тем, что потерпевший просил прекратить данное уголовное дело в связи с примирением сторон, однако, суд апелляционной инстанции акцентировал внимание на том, что «примирение непосредственно с потерпевшим не является достаточным для прекращения уголовного дела по данному основанию». Он подтвердил позицию суда первой инстанции, что «совершенные Т. противоправные действия посягали не только на личные неимущественные права потерпевшего, но и на иные охраняемые законом интересы государства, порядок управления, а также правильно сослался на содержание ст. 25 УПК РФ и ст. 76 УК РФ и руководствовался разъяснениями, содержащимися в п. 9 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.06.2013 № 19, согласно которым при разрешении вопроса об освобождении от уголовной ответственности необходимо

sam.msudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&op=sd&number=69247935&case_number=1-53/2016&delo_id=1540006 (дата обращения: 30.08.2018).

¹⁶ Постановление президиума Ленинградского областного суда по делу № 44у-48/2017 (13.06.2017). URL: https://oblsud-lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=807233&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1&case_id=715507 (дата обращения: 30.08.2018).

¹⁷ Апелляционное постановление 3 окружного военного суда по делу № 22-113/2016 (15.12.2016). URL: https://ovs3--msk.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=42250&delo_id=4&new=4&text_number=1&case_id=2695 (дата обращения: 30.08.2018).

учитывать конкретные обстоятельства уголовного дела, включая особенности и число объектов преступного посягательства, их приоритет».

Изучив эти два решения по одному и тому же составу преступления, сто́ит отметить кардинально разный подход правоприменителя к основному объекту данного состава — нормальной деятельности органов государственной власти. Одни считают, что вред такому объекту не может быть возмещен в принципе, а другие считают достаточным для заглаживания вреда данных о личности привлеченного лица и его поведении по отношению к дополнительному объекту.

В целом, суды при разрешении ходатайства о прекращении уголовного дела в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа учитывают в качестве возмещения ущерба или заглаживания вреда иным образом общественную опасность конкретного деяния, личность лица, совершившего преступление, его поведение после совершения преступления, а также иные факторы.

Однако это не решает все проблемы, связанные с условиями освобождения от уголовной ответственности по данному основанию. Часть из них могут быть разрешены изменением норм уголовного и уголовно-процессуального законодательства с учетом сложившейся практики правоприменения, а другие же требуют официального толкования на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ.

Для решения вопроса о возможности применения судебного штрафа в делах, где отсутствует потерпевший и материальный ущерб, представляется возможным изложить ч. 1 ст. 76.2 УК РФ в следующей редакции: «Лицо, впервые совершившее преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобождено судом от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа в случае, если оно возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред, *в том числе охраняемым уголовным законом правоотношениям*». При данной формулировке в делах без потерпевшего как процессуального участника причиняется вред охраняемым государством правоотношениям, а значит, применение судебного штрафа будет возможно без двоякого толкования со стороны правоприменителя.

На уровне толкования судебными органами необходимо абз. 2 п. 2.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» изложить в следующем содержании: «Под заглаживанием вреда (часть 1 статьи 75, статья 76.2 УК РФ) понимается имущественная, в том числе денежная, компенсация морального вреда, оказание какой-либо помощи потерпевшему, принесение ему извинений, *принятие иных мер, направленных на восстановление нарушенных в результате преступления прав потерпевшего, законных интересов личности, общества и государства, а также иные активные действия лица, совершившего преступления, которые позволяют прийти к выводу о том, что привлечение конкретного лица к уголовной ответственности нецелесообразно*».

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Ворожцов С.А. О некоторых проблемах, возникающих в судебном производстве по прекращению уголовного дела или уголовного преследования с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа. 2017. Мировой судья. № 11. С. 15—23.
2. Кудрявцева А.В., Сутягин К.И. Судебный штраф. 2016. Уголовное право. № 6. С. 102—111.
3. Лобанова Л.В. Некоторые проблемы установления и реализации нового основания освобождения от уголовной ответственности. 2016. Уголовное право. № 6. С. 111—121.
4. Решетняк В.И. Судебный штраф в уголовном судопроизводстве. 2017. Судья. № 4. С. 34—38.

5. Хлебницына Е.А. Возмещение ущерба или заглаживание причиненного преступлением вреда иным образом как условие освобождения от уголовной ответственности с назначением судебного штрафа. 2018. Юридические науки. № 2. С. 139—144.

REFERENCES (TRANSLITERATION)

1. Vorozhtsov S. A. O nekotorykh problemakh, voznikayushchikh v sudebnom proizvodstve po prekrashcheniyu ugovnogo dela ili ugovnogo presledovaniya s naznacheniem mery ugovno-pravovogo kharaktera v vide sudebnogo shtrafa [Some problems arising in court proceedings on termination of a criminal case or criminal prosecution after imposition of a criminal law penalty in the form of a court fine]. 2017. *Mirovoy sudya*. No. 11. P. 15—23. (In Russian).
2. Kudryavtseva A. V., Sutyagin K. I. Sudebnyy shtraf [A Court Fine]. 2016. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. No. 6. P. 102—111. (In Russian).
3. Lobanova L. V. Nekotorye problemy ustanovleniya i realizatsii novogo osnovaniya osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti [Some problems of establishing and implementation of a new ground for exemption from criminal liability]. 2016. *Ugolovnoe pravo* [Criminal Law]. No. 6. P. 111—121. (In Russian).
4. Reshetnyak V. I. Sudebnyi shtraf v ugovnom sudoproizvodstve [A court fine in criminal proceedings]. 2017. *Sudya* [The Judge]. No. 4. P. 34—38. (In Russian).
5. Khlebnitsyna E.A. Vozmeshchenie ushcherba ili zaglazhivanie prichinennogo prestupleniem vreda inym obrazom kak uslovie osvobozhdeniya ot ugovnoy otvetstvennosti s naznacheniem sudebnogo shtrafa [Monetary Compensation for Damage or other Ways of Expiation for Damage Caused by the Crime as a Condition of Exemption from Criminal Liability in Connection with the Imposition of a Court Fine]. 2018. *Yuridicheskie nauki*. No. 2. P. 139—144. (In Russian).

Материал поступил в редакцию 19.12.2018.

О ТИПИЧНЫХ НАРУШЕНИЯХ, ВЫЯВЛЯЕМЫХ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПРОКУРОРСКОЙ ПРОВЕРКИ

Подольнов Павел Андреевич — студент 2-го курса
Института магистратуры Саратовской государственной
юридической академии (г. Саратов)
410028, Россия, г. Саратов, ул. Чернышевского, 104
olga.podolnova@mail.ru

Pavel A. Podolnov — 2nd year Master's Student of the
Saratov State Law Academy
410028, Russia, Saratov, ul. Chernyshevskogo, 104
olga.podolnova@mail.ru

© П.А. Подольнов, 2019

Аннотация. Статья посвящена исследованию типичных нарушений, которые выявляются в образовательных организациях при проведении прокурорской проверки. Автором на основании действующего законодательства проведен анализ полномочий прокурора, выявлены наиболее типичные нарушения, допускаемые образовательными организациями в процессе своей деятельности. Обобщая прокурорскую практику проверок в образовательных организациях района, можно отметить, что типичными нарушениями законов в сфере образования являются: нарушения законодательства в сфере лицензирования образовательной деятельности; несоответствие устава образовательных организаций требованиям законодательства; несоответствие локальных нормативных актов образовательных организаций требованиям законодательства.

Ключевые слова: прокурор, полномочия прокурора, прокурорский надзор, типичные нарушения.

TYPICAL VIOLATIONS REVEALED IN EDUCATIONAL INSTITUTIONS DURING PUBLIC PROSECUTOR'S OFFICE INVESTIGATIONS

Abstract. The article is devoted to the examination of typical violations that have been detected in educational organizations during investigations carried out by the Public Prosecutor's Office. The author on the basis of the current legislation analyzes the existing powers of the Public Prosecutor, identifies the most typical violations committed by educational organizations in the course of their work. Generalizing Prosecutor's Office practice regarding investigations in the educational organizations of a certain district, it is possible to summarize that typical violations of laws in the field of education include: violations of legislation in the field of licensing of educational activities; non-compliance of the Charter of educational organizations with the requirements of the legislation; non-compliance of local regulations of educational organizations (by-laws) with the requirements of the legislation.

Keywords: Prosecutor, Prosecutor's powers, Prosecutor's supervision, typical violations.

Образование сопровождает человека всю его сознательную жизнь, начиная с дошкольного возраста. Что я понимаю под словом «образование»? Это не только обучение, это приобретение свойств личности, которые человек может воспитывать в себе для реализации целей, которые он поставил перед собой в жизни. И если человек теряет способность к образованию, он постепенно теряет возможность развития, он не может занять достойное место среди профессионального сообщества, потому что перестает быть конкурентоспособным. Образование — это фундамент организации и развития человека. Именно поэтому, на мой взгляд, в современном мире образованию уделяется первостепенное внимание и значение. Система образования России является значительным основанием для сохранения места нашего государства среди ведущих стран мира, как государства, обладающего высоким уровнем образования. Функционирование системы образования в России невозможно без законодательного регулирования.

Статья 2 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее — 273-ФЗ), раскрывающая содержание основных понятий в 273-ФЗ, определяет образование в Российской Федерации, как единый целенаправленный процесс воспитания и обучения, являющийся общественно значимым благом и осуществляемый в интересах человека, семьи, общества и государства. Вот почему обеспечение права граждан на образование является одной из главных задач государства. Решению этой задачи способствуют и органы прокуратуры.

Современное состояние правового положения образовательных учреждений связано с процессами модернизации системы общего образования, проявляющимися в доступности образования и повышении его качества, внедрении новых федеральных государственных образовательных стандартов, новых форм итоговой аттестации, повышении самостоятельности образовательных учреждений.

В связи с произошедшими изменениями законодательства, регламентирующего деятельность образовательных учреждений, возрастает роль документарных прокурорских проверок, направленных на выявление нарушений исполнения законов в сфере образования.

Образовательные организации в своей деятельности руководствуются Конституцией Российской Федерации и федеральными законами, иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, законодательными и иными нормативными правовыми актами субъекта Российской Федерации, муниципальными правовыми актами, а также уставом и иными локальными нормативными актами образовательной организации.

С учетом происходящих изменений в законодательстве дифференцировались подходы и совершенствовались методы надзора за законностью локальных нормативных актов, издаваемых образовательными организациями района.

На сегодняшний день именно сфера образования дает немало примеров нарушения прав, свобод, охраняемых законом интересов как обучающихся, их родителей (законных представителей), так и педагогов, и самих образовательных организаций. Задачей прокуратуры является своевременное выявление нарушений законов и принятие эффективных мер к их устранению.

Поэтому прокурорский надзор за исполнением законов в сфере образования является крайне актуальным.

Так, приказ Генерального прокурора РФ от 26.11.2007 № 188 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов о несовершеннолетних и молодежи» предписывает считать важным средством защиты прав и интересов несовершеннолетних и молодежи такое направление прокурорского надзора, как надзор за исполнением законодательства об образовании, реализацией государственными и муниципальными образовательными учреждениями прав граждан на общедоступность и бесплатность дошкольного, общего образования и на конкурсной основе бесплатность среднего и высшего профессионального образования.

Проведение прокурорских проверок регламентируется Федеральным законом от 17.01.1992 № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» (далее — Закон о прокуратуре).

Часть 2 ст. 21 указанного Закона устанавливает, что органы прокуратуры проводят проверки исполнения законов на основании поступившей в органы прокуратуры информации о фактах нарушения законов, требующих принятия мер прокурором, в случае, если эти сведения нельзя подтвердить или опровергнуть без проведения указанной проверки.

Такой информацией служат сообщения в средствах массовой информации, обращения граждан, материалы гражданских, уголовных, административных дел, анализ и обобщение прокурорской и правоприменительной практики и другие материалы, которые содержат достаточные данные о нарушениях закона.

Полномочия прокурора при проведении проверки практически все перечислены в ч. 1 ст. 22 Закона о прокуратуре. А именно:

- по предъявлении служебного удостоверения беспрепятственно входить на территории и в помещения проверяемых организаций;
- иметь доступ к их документам и материалам;
- проверять исполнение законов в связи с поступившей в органы прокуратуры информацией о фактах нарушения закона;
- требовать от руководителей и других должностных лиц проверяемых организаций представления необходимых документов и материалов или их копий, статистических и иных сведений, выделения специалистов для выяснения возникших вопросов;
- вызывать должностных лиц и граждан для объяснений по поводу нарушений законов.

Размер и жизненность проблемы охраны прав на образование требует от органов прокуратуры своевременного реагирования на факты нарушения законов в сфере образования, принятия совокупных мер, направленных на предупреждение, выявление и устранение нарушений в сфере образования.

Обобщая прокурорскую практику проверок в образовательных организациях района можно систематизировать нарушения законов в сфере образования.

Типичными нарушениями законов в сфере образования являются:

- нарушения законодательства в сфере лицензирования образовательной деятельности;
- несоответствие устава образовательных организаций требованиям законодательства;
- несоответствие локальных нормативных актов образовательных организаций требованиям законодательства.

При осуществлении прокурорского надзора за исполнением законов в сфере образования по обращениям граждан и полученной органами прокуратуры информации о фактах нарушения законов в образовательных организациях в первую очередь подвергаются тщательному исследованию на предмет соответствия законодательству учредительные документы и регулирующие возникший вопрос локальные нормативные акты образовательной организации.

Основные требования к уставу образовательной организации отражены в ст. 25 273-ФЗ. Кроме того, устав должен содержать иные сведения, предусмотренные законодательством Российской Федерации.

Методика проведения проверки учитывает, что согласно ч. 2 ст. 25 273-ФЗ, в уставе образовательной организации должна содержаться следующая информация:

- 1) тип образовательной организации;
- 2) учредитель или учредители образовательной организации;
- 3) виды реализуемых образовательных программ с указанием уровня образования и (или) направленности;
- 4) структура и компетенция органов управления образовательной организацией, порядок их формирования и сроки полномочий.

Часть 5 ст. 26, ч. 1 ст. 30 и ч. 3 ст. 52 273-ФЗ дополняют эти требования. Помимо информации, которую требует ст. 25, в уставе необходимо указывать также следующую информацию:

- 1) порядок принятия органами управления образовательной организацией решений и выступления от имени образовательной организации (ч. 5 ст. 26);
- 2) порядок принятия локальных нормативных актов (ч. 1 ст. 30);
- 3) права, обязанности и ответственность работников образовательных организаций, занимающих должности инженерно-технических, административно-хозяйственных, производственных, учебно-вспомогательных, медицинских и иных работников, осуществляющих вспомогательные функции (ч. 3 ст. 52).

Тактика прокурорской проверки соблюдения 273-ФЗ включала сбор, исследование, оценку уставов и локальных актов образовательных учреждений района.

По итогам проведенных проверок можно выделить следующие наиболее часто встречающиеся случаи нарушений обязательных требований законодательства об образовании в части содержания устава. К ним относится нарушение ч. 5 ст. 23 273-ФЗ, когда наименование образовательной организации не содержит указание на характер деятельности и на организационно-правовую форму.

В нарушение ст. 25 273-ФЗ в уставе образовательной организации не содержится информация о структуре, компетенции органов управления, порядке формирования и сроках полномочий органов управления.

В нарушение ст. 30 273-ФЗ не определен порядок принятия локальных актов, наличие в локальных актах образовательного учреждения ссылок на федеральные нормативные правовые акты, утратившие силу. Все вышеперечисленные нарушения приводят к несоблюдению должностными лицами реализации в полном объеме прав граждан в управлении образованием.

Согласно ч. 2 ст. 30 273-ФЗ, по основным вопросам организации и осуществления образовательной деятельности, в том числе регламентирующие правила приема обучающихся, режим занятий обучающихся, формы, периодичность и порядок текущего контроля успеваемости и промежуточной аттестации обучающихся, порядок и основания перевода, отчисления и восстановления обучающихся, порядок оформления возникновения, приостановления и прекращения отношений между образовательной организацией и обучающимися и (или) родителями (законными представителями) несовершеннолетних обучающихся, образовательная организация принимает локальные нормативные акты.

Локальный нормативный акт представляет собой правовой документ, содержащий общеобязательные правила поведения для всех или некоторых работников организации и (или) обучающихся, их родителей (законных представителей), рассчитанный на неоднократное применение.

Функция локального нормативного акта — детализация, конкретизация, дополнение, а иногда и восполнение общей, правовой нормы применительно к условиям данной образовательной организации, с учетом имеющихся особенностей, специфики образовательного процесса и иных условий.

Во время прокурорских проверок выявлены нарушения в части разработки и принятия локальных актов образовательного учреждения.

Особенно распространенным нарушением является наличие в локальных актах образовательного учреждения ссылок на федеральные или региональные нормативные правовые акты, утратившие силу.

Иногда образовательные организации довольно формально относятся к соблюдению порядка рассмотрения и утверждения локальных актов, что влечет за собой возникновение конфликтных ситуаций и нарушение прав участников образовательных отношений.

Так, например, на сегодняшний день нередко возникает необходимость проведения прокурорской проверки в образовательной организации для оценки законности порядка принятия решения о внешнем облике и школьной форме обучающихся. Согласно нормам ч. 1 и 2 ст. 38 273-ФЗ организации, осуществляющие образовательную

деятельность, вправе устанавливать требования к одежде обучающихся, в том числе требования к ее общему виду, цвету, фасону, видам одежды обучающихся, знакам отличия, и правила ее ношения. Соответствующий локальный нормативный акт образовательной организации, затрагивающий права обучающихся, порой принимается с нарушением норм действующего законодательства, а именно без учета мнения совета обучающихся, совета родителей, а также представительного органа работников этой организации и (или) обучающихся в ней (при его наличии).

Есть случаи, что, ссылаясь на локальный нормативный акт о школьной форме, руководство школы понуждает к приобретению и ношению школьной формы, а также не допускает к занятиям обучающихся без школьной формы и даже может наказать за отсутствие формы вплоть до отчисления из образовательной организации. А это противоречит федеральному законодательству: как 273-ФЗ, так и Федеральному закону от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации».

В таких ситуациях прокуратурой приносятся протесты на локальные нормативные акты образовательной организации, по результатам рассмотрения которых, незаконные локальные нормативные акты отменяются, а новые принимаются в соответствии с действующим законодательством.

Нередко органами прокуратуры пресекаются факты нарушения администрацией образовательной организации требований законодательства, регламентирующих порядок приема обучающихся. Так, пунктом 8 ч. 3 ст. 28 273-ФЗ к компетенции образовательной организации отнесен порядок приема обучающихся. Порядок приема регулируется ст. 55 и 67 273-ФЗ и приказом Министерства образования и науки РФ от 22 января 2014 г. № 32 «Об утверждении Порядка приема граждан на обучение по образовательным программам начального общего, основного общего и среднего общего образования», определяющим порядок приема в общеобразовательные организации и указывающим, что правила приема в конкретную образовательную организацию определяется образовательной организацией самостоятельно. Поэтому образовательные организации разрабатывают и утверждают локальные нормативные акты, регламентирующие порядок приема обучающихся, положения которых зачастую не соответствуют нормам закона.

Так, при зачислении детей в класс родители (законные представители), кроме документов, являющихся основанием для приема детей в образовательную организацию, должны предоставлять также социальный номер ребенка, справки с места работы родителей, медицинскую карту с копией сертификата о прививках.

Также в некоторых образовательных организациях района правила приема в школу содержат положения, ограничивающие прием в данное учреждение, которые заключаются в том, что в класс принимаются дети, достигшие возраста 6—7 лет и готовности обучения в школе, на основании заключения психолого-медико-педагогической комиссии, а зачисление в школу во вторые и последующие классы при наличии свободных мест, в случае если они проявят при собеседовании знания в объеме программы соответствующего класса осваиваемой в образовательной организации. Хотя в государственные и муниципальные общеобразовательные организации должен быть обеспечен прием всех подлежащих обучению граждан, проживающих на закрепленной территории и имеющих право на получение образования соответствующего уровня, и вступительные испытания для этих детей не допускаются.

Изучение личных дел обучающихся 1-х классов образовательных организаций района показало, что администрация учреждения не отмечает и не заверяет личной подписью родителей (законных представителей) ребенка в заявлении о приеме факт их ознакомления с лицензией на осуществление образовательной деятельности, уставом образовательной организации и другими правоустанавливающими документами, а также не фиксирует подписью родителей ребенка согласие на обработку их персональных данных и персональных данных ребенка в порядке, установленном законодательством РФ.

В рамках прокурорского надзора выявлено несоответствие содержания нормативных локальных актов образовательного учреждения законодательству Российской Федерации в части оформления возникновения, приостановления и прекращения отношений между образовательным учреждением и обучающимися и (или) родителями (законными представителями) несовершеннолетних обучающихся.

Так, при изучении состояния законности выбытия несовершеннолетних из школ района были установлены факты завуалированного способа незаконного отчисления обучающихся путем перевода именно тех учеников, которые испытывали трудности в обучении и общении с педагогами и одноклассниками в профессиональные училища без согласия комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав.

Также, например, нормативный локальный акт образовательной организации предусматривает в качестве одного из оснований досрочного прекращения образовательных отношений — заключение психолого-медико-педагогической комиссии или медицинское заключение о состоянии здоровья ребенка, препятствующего его дальнейшему пребыванию в образовательной организации (школе) или являющегося опасным для его собственного здоровья и (или) здоровья окружающих детей при условии его дальнейшего пребывания в школе. Действующее законодательство об образовании содержит исчерпывающий перечень оснований досрочного прекращения образовательных отношений, в который не входит вышеуказанное.

Актуальной остается проблема привлечения обучающихся к труду, не предусмотренному образовательной программой, без согласия обучающихся и их родителей (законных представителей).

Подводя итог, следует отметить, что прокурорам необходимо сосредоточиться на реальной защите прав граждан на образование, добиваться устранения нарушения законов в сфере образования, привлекать к ответственности виновных, принимать исчерпывающие меры, направленные на предупреждение нарушений.

Ведь эффективность прокурорского надзора за исполнением Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» образовательными организациями, представляет собой результат, который выражается в реально достигнутом уровне задач, стоящих перед надзирающим прокурором, направленных на укрепление законности.

Материал поступил в редакцию 08.03.2019.

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

РОССИЙСКОЕ ПРАВО ОНЛАЙН

Телефон редакции: (8-499)244-88-88 (доб. 556)
125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; www.rus-law.online; E-mail: ruslaw@msal.ru

Корректор *А. Б. Рыбакова*; компьютерная верстка *Д. А. Беляков*

COUNCIL OF EDITORS OF THE JOURNAL**“RUSSIAN LAW ONLINE”**

Viktor V. BLAZHEEV	Chairman of the Council of Editors, Ph.D. in Law, Associate Professor, Rector of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of Civil and Administrative Court Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir N. SINYUKOV	Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Scientific Work of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor of the Department of the Theory of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikolay M. ARTEMOV	Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Financial Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Damir H. VALEEV	Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Environmental, Labor Law and Civil Procedure of the Kazan (Volga Region) Federal University
Peter VAN ELSUWEGE	Ph.D. in Law, Professor of European Union Law of Ghent University (Belgium)
Lydia A. VOSKOBITOVA	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alena F. DOUHAN	Professor of Law, Associate Processor, Vice-Rector for educational work and international relations of the International University “MITSO”
Sergey M. ZUBAREV	Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor A. ISAEV	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of History of the State and Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Valentina V. KOMAROVA	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Irina O. KRASNOVA	Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Environmental and Natural Resources Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Nikita L. LYUTOV	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Labour Law and Law of Social Security of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Igor M. MATSKEVICH	Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminology and Penal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Alexey I. RAROG	Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Vladimir L. SLESAREV	Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Natalia A. SOKOLOVA	Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Artem O. CHETVERIKOV	Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Department of Integration and European Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Elvin S. TEYMUROV	Editor-in-Chief, Ph.D in Law, Lecturer of the Department of International Law of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Rimma I. KNYAZYATOVA	Executive Editor, Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

ISSN 2542-2472

9 770254 224729

RUS-LAW ONLINE

1 / 2019

WWW.RUS-LAW.ONLINE